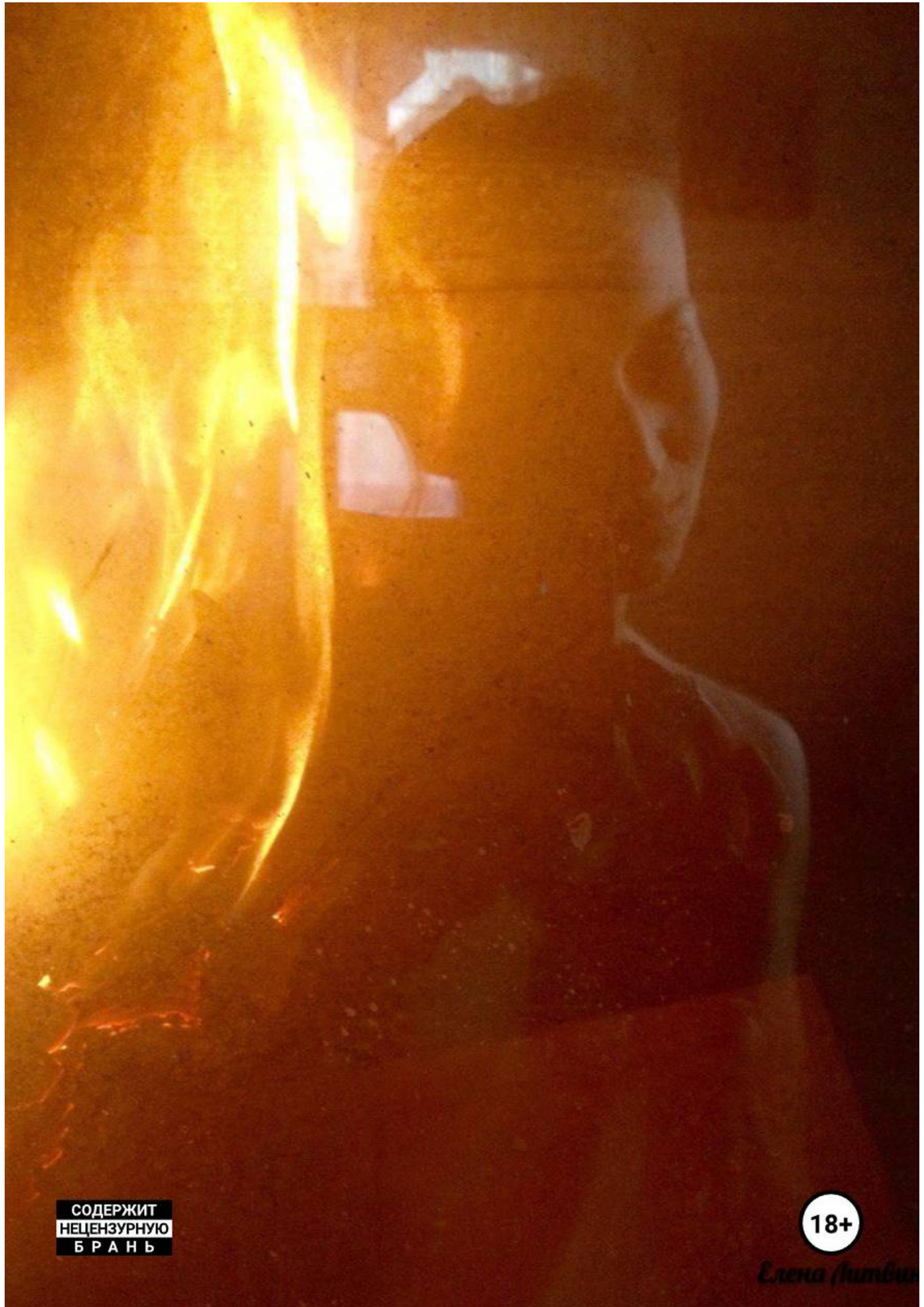

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Литви

Елена Литвин

Смотритель шлюза

«Автор»

2026

Литвин Е.

Смотритель шлюза / Е. Литвин — «Автор», 2026

Даже в начисто отмытом доме криминалисты могут найти улики: отпечатки пальцев, следы ДНК. Пыль – это чешуйки отшелушившейся кожи. Стены твоего дома покрыты слоем твоей ДНК. Поэтому дома стены лечат. Как и почва, в которой на протяжении столетий хоронили твоих предков, насквозь пропитана твоей ДНК. У тебя с этой землей одни гены. Покинуть свой дом, родину – это разорвать все кристаллические решетки единого комплекса, который ты образуешь с родной землей, это как вырвать себя с корнями из питающей среды. Современное космополитичное общество – сироты без роду и племени, дети скошенных цветов, переформатированные деструктивной развлекательной индустрией бабочки с до основания сожженными крыльями и ультраконтролируемым мозгом. Можно ли защитить себя от установки в свое сознание чужеродных вредоносных программ? Можно. Нужно всего лишь вернуться домой. Нам всем давно пора домой

© Литвин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Обитаемый необитаемый остров	8
Дом света	18
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Литвин

Смотритель шлюза

Предисловие

*Ушедшие вперед становятся маяком,
оставшиеся позади становятся вехой*

Леночке КУРКИНОЙ, моей невыработанной золотиносной жиле первоклассного сказочного материала, посвящаю я этот текст – ее байки и притчи оказали на меня такое влияние во время работы над ним, что ее вполне уже можно назвать соавтором произведения "Смотритель шлюза"

Также я выражаю искреннюю благодарность моему мужу Андрею ИВАНОВУ, явлению в моей жизни настолько основополагающему, что его без преувеличения можно назвать соавтором проекта "Елена Литвин"

Брошюра с описанием местных достопримечательностей, взятая в кафе во время наших с семьей финских каникул, предлагала посетить домик смотрителя шлюза, мы не поехали – ну домик и домик, что там смотреть-то? Для меня, человека, родившегося и выросшего в сухопутной стране, вся эта морская романтика: маяки, корабли, якоря и прочая "акваатрибутика" – была областью незнакомой, малопонятной и в моих глазах какого-либо очарования начисто лишенной. Я не очень хорошо представляла себе, что такое шлюз, как он выглядит и для каких целей служит, знала лишь, что это некое гидротехническое сооружение, скорее всего громадное и страшное, когда огромные объемы воды, техники, железа и бетона, и все это бездонное, черное, лязгающее, скрежещущее, склизкое от ила и тины и пугающее до темноты в глазах.

Домик мы смотреть не стали – сейчас я об этом, конечно, жалею – но само это словосочетание просто заворовило меня. Я снова и снова перекачивала его по своим вкусовым рецепторам: "Смотритель шлюза", как "Смотритель маяка" или "Станционный смотритель" – хранитель укрытия, спасатель от безлюдья и непогоды, крошечный проблеск человеческого тепла, искорка жизни в эпицентре штормов, грозы и метели – уже одно только такое название составляет добрую половину всего "астрального тела" текста.

У меня не было ни героев, ни диалогов, ни сюжета (впрочем, сюжет это то, чем я всегда готова с легкостью пренебречь, мне гораздо интереснее то, что происходит в человеческой – умной – голове, чем то, что происходит с ней и ее обладателем). У меня было только название – воодушевленная и вдохновленная этим, вернувшись домой, я принялась искать в интернете нужную мне информацию.

И выяснила, что шлюзы это "лестницы" из бассейнов с водой на судоходных каналах, соединяющих водоемы, по которым, как по ступеням, корабли перебираются из одной акватории в другую, преодолевая перепады высот. Современные шлюзы, как я в общем-то и предполагала, исполинские махины, поднимающие многотонные суда на десятки метров, которые обслуживаются многочисленной командой специалистов. Бывают также маленькие, непромышленные шлюзики, в Голландии и Франции много таких, любители речных прогулок отзываются о них с большой нежностью, но они, как правило, все автоматизированы, управляются дистанционно, и члены экипажа без затруднений сами справляются с их прохождением без помощи диспетчера на берегу.

Мне же нужен был шлюз со смотрителем, такой как в повести Джорджа Сименона "Конвод с баржи "Провидение"". К тому же мой смотритель, мудрец-отшельник, явно вырисовывался любителем Русского Севера. По всему выходило, что мне предстояло не просто перенести в современное время шлюз середины девятнадцатого века, но и как-то поместить его в реалии широт, где шлюзы никогда не были особо распространенным явлением. Невероятно, но просидев в сети множество часов, отвечающий всем моим требованиям прототип – старинный, деревянный, но хорошо сохранившийся, ныне недействующий, но охраняемый, в российской глуши – я все-таки нашла. Дело в том, что убедительность образов и реалистичность "книговселенной" достигается только при описании с натуры, а я фанат, а уже даже, пожалуй, и фанатик правдоподобности, психологической достоверности и "основанности" на реальных событиях, пусть даже скомбинированных самым экстравагантным и креативным – пижонским – образом, как угодно кадрированных, отредактированных и с какими угодно "фильтрами", но в основе своей "документальных".

Это стало оптимальным решением всех моих проблем: шлюз в аварийном состоянии, за которым надо присматривать, чтобы не дать обмелеть озеру, убедительно оправдывал необходимость постоянного присутствия на нем "дозорного", нерабочий же статус объекта позволял мне обеспечить моему герою возможность пребывания в необходимом ему – и мне – уединении.

Мир идей и мир вещей, и вечное проклятие несоответствия второго первому – фантазии, как и воспоминания, всегда приукрашены, отредактированы и избавлены от психологически дискомфортных теней и несовершенств, то есть всегда "зрелищнее" реальности, даже если реальность красивее самых красочных представлений о ней, по одной простой причине – *реальность реальна*. Любуясь самым грандиозным закатом на берегу самого живописного моря, кроме восторга от наблюдаемой красоты будешь чувствовать холод, тревогу от того, что уже темнеет и пора отправляться назад, беспокойство, а не представляет ли опасности вон то подозрительное колебание на воде, голод и сосущую тоску от мысли, что ты устал, а по возвращении домой еще придется умыться и стелить постель, хотя сил осталось лишь на то, чтобы рухнуть, не раздеваясь, на любую горизонтальную поверхность.

Заброшенный шлюз, который когда-то был заурядной повседневностью и будничной рутиной для своего смотрителя и экипажей судов, отслужив свое, утратил все свое практическое назначение и применение, но вместе с этим и всю раздражающе объемную прозаичность, сохранив только мистический ореол и символичность – стал объектом мира идей, *идеального* мира.

Дальше мне предстояло создать моего главного героя. Великий мудрец, удалившийся от мира, имеющий ответы на все вопросы, гуманист, но мизантроп, знающий, что человек это звучит гордо, но удручающе редко, фигура, безусловно, непреодолимо притягательная. Но в-первых, "вытянуть" такого мудреца, им не являясь, задача трудная настолько, что почти невыполнимая. Во-вторых, "просто мудрец" это все же скучновато даже для самого отъявленного "сапиосексуала", и я сделала своего старца-философа моложе и влюбила в него главную героиню: каждый мой текст в какой-то момент неизменно начинает тяготеть к тому, чтобы стать очередным описанием самого сильного из всех доступных человеку удовольствий – чувства влюбленности в красивую человеческую личность.

Затем я щедро добавила в свой текст всей той пленительной северной чертовщины и сладкой жути, что так околдовывает меня в Карелии, удивительном заповедном уголке земли, где еще обретаются последние потомки древних духов, давно почти полностью вымерших в остальных своих ареалах.

Чтобы понять, возможно ли существование на моем, судя по шлюзам, довольно мелководном водоеме, гидроэлектростанции – она была нужна мне, как "убийца" водопадов – мне пришлось изучить типы и особенности водохранилищ. Чтобы нигде не оплошать, я доско-

нально изучила, какие бывают виды плотин и дамб, насосных станций и судоподъемников. Описание шлюзов занимает в моем тексте от силы несколько абзацев, но чтобы их написать, мне пришлось ознакомиться с историей Беломоро-Балтийского и Обь-Енисейского каналов и тезьянской шлюзовой системы. Можно было, конечно, разнести все названные точки по карте и не мучиться с попытками объединить их на маленьком пятячке, но мне не хотелось разрушать бесконечно обаятельный уют создаваемого мною замкнутого камерного мира.

Это необычное ощущение, но каждый текст сам диктует мне, от чьего лица будет вестись повествование, навязывает мне местоимение. Иногда это полый аватар "она", вселиться в который на время я и предлагаю своему читателю, чтобы стать не просто сторонним наблюдателем, а непосредственным участником описываемых событий, прочувствовать все фолликулами волосков на своей собственной коже. Иногда это "я" – рассказчик мужского пола. Иногда, как в данном произведении, это "я"-женщина. Я люблю местоимение "я", хотя прекрасно отдаю себе отчет, как велико в этом случае читательское искушение соотнести героиню текста с его автором. Безусловно, моя героиня – это я. Как и смотритель шлюза это тоже я, и даже в большей степени, чем главная героиня: Андрей Иванович (как добропорядочная замужняя мать семейства я ощущаю необходимость сделать это уточнение) не столько тот, *с кем*, скорее тот, *кем* я во многом хотела бы быть (и кем я во многом – благодаря этому тексту – стала). И Татьяна это тоже вполне себе я. Вместе с тем, моя героиня относится ко мне приблизительно также, как мой шлюз – к тезьянским, мой маяк – к маяку в Шокше, мой монастырь – к Яшезерскому, мой заброшенный завод – к комбинату в Кондопоге, мои водопады – к порогам Суны, и как весь мой любимый дивный вымышленный перешеек между рекой и каналом на берегу необыкновенного озера – к Надвоицкой плотине.

Мне остается только добавить традиционное: все описанные персонажи и события являются плодом воображения автора – как им же, по сути, является и абсолютно вся так называемая реальность – а потому любые совпадения никакие не совпадения вовсе, но чтобы защитить себя от инсинуаций злоумышленных недоброжелательных интерпретаторов, назову их случайными.

Обитаемый необитаемый остров

Все началось с двух слов в путеводителе.

Поразительно, о чем только оказываешься способен думать в минуты сильнейшего нервного перенапряжения.

Я думала о том, как витиевато сплетается узор из петель причин и следствий, и как далеко порой оказывается финал событий от той бабочки, молекулы катализатора, запустившего цепную реакцию.

А еще я думала о том, что подобное начало художественного текста, наверное, слишком олдскульное. Но как известно, оригинально начать повествование можно двумя способами: либо сделать это так, как этого еще никто не делал, либо так, как этого уже давно не делает никто.

Все началось с двух слов в путеводителе – как бы там ни было, такое начало мне нравилось, тем паче, что все действительно начиналось именно так.

Пламя в камине наполняло комнату сухим запахом тепла.

Тепло имеет запах. Оно пахнет нагретым деревом бревен сруба, испаряемой из отсыревших стен дома влагой, золой, пеплом, смолой, печной копотью и первой осенней изморозью на замшелых поленьях.

Хотя было всего около семи вечера, за окном клубилась тучная, сгущенная темень ненастного северного предзимья – день на севере поздней осенью короток. В окна барабанили жесткие струи дождя, промозглого и ужасно холодного – по стеклу бежали потоки жидкого льда.

Стекло по стеклу.

Стекло по стеклу.

Скелеты деревьев месили концентрат заоконных чернил своими костистыми ветвями-кистями, рисовали на полотне мира черной гуашью все оттенки темноты.

Черные голые деревья. Черная голая земля. Черная холодная вода.

Там за окном – набрякшее холодной жижей небо, провисшее до самой разбухшей от сырости земли и, казалось, касающееся самых твоих мокрых волос, там так много дождя, ветра, так много холода и ночи и вселенского одиночества. И как живых созданий я жалела деревья, беззащитные перед стихией, вынужденные противостоять ей, и я бесконечно жалела себя, изгоняемую туда, к ним.

Порыв подорваться с места и драматично удалиться, громко хлопнув дверью и вложив в это всю свою обиду и гнев, и якобы сохранив тем самым остатки достоинства, – плохонькое дешевое актерство, за которое, ты знаешь это наверняка, тебе будет страшно неловко, когда ты немного придешь в себя, но тебя словно подбрасывает, отрывает от земли какая-то злая неукротимая антигравитация и толкает вон из комнаты. И тем более удивительно, что в таком состоянии ты вдруг оказываешься способным предельно четко понимать, что уйдя, ты пожалеешь об этом, пожалеешь сильно, еще до того, как дойдешь до этой самой двери, которой намеревался демонстративно хлопнуть, отсекая все возникшие связи, переплетения и перемычки.

И ты остаешься. Остаешься, хотя все уже сказано, решение принято и его скорее всего не изменят, а твое задетое самолюбие вопит, что тебе этого уже и не надо, остаешься, ни на что не надеясь, но в то же время прекрасно понимая, что самый последний шанс что-то изменить если и есть, то только здесь и сейчас и только такой ценой – всей своей волей усмирив свою вставшую на дыбы гордыню – потом уж точно очень-очень вряд ли. Сдавая назад, слишком глупо чувствуешь себя, а человеческая психика не любит чувствовать себя так. Услужливые – тут как тут – механизмы психологической самозащиты всегда наготове заглушить горькие сожаления и жгучее недовольство собой, состряпать самопальные самооправдания на скорую

руку и демонизировать партнера, и прощай, иллюзорная, но худо-бедная объективность. Каждый останется при своем, уверенный в своей правоте, преисполненный претензий к противоположной стороне, которые со временем будут только разрастаться и крепнуть. Запущенный, этот процесс не остановить, его можно только пресечь в зародыше.

Какое-то время я сидела рядом с ним. То ли пытаюсь найти слова и что-то еще сказать, то ли в ожидании, что он добавит что-нибудь к уже сказанному. Чем дольше я оставалась, тем сильнее было мое унижение, но та сила, что ударной волной чуть не вышвырнула меня из комнаты после его слов, сейчас словно пригвоздила меня к дивану.

Очнувшись от оцепенения, я поставила бокал на подлокотник дивана и встала. Передумав, взяла бокал обратно и, удивляя саму себя своим невесть откуда взявшимся хладнокровием и самообладанием: еще минуту назад готовый было произойти эмоциональный взрыв словно бы кто-то в одно мгновение выключил – прошла на кухню, долила себе анисовой настойки, после чего, так же спокойно вернув бутылку на место в шкафчик, отправилась с наполненным бокалом в свою комнату.

– Это трудно, – раздался за спиной его голос и от неожиданности я вздрогнула, расплескав настойку себе на руку.

– Показывать людям маяки, – закончил он фразу, и это определенно не было похоже на то, что я так хотела от него услышать.

Слизав кончиком языка с фаланги своего большого пальца сладкие терпкие капли, я поднялась по лестнице в спальню.

Достав из шкафа рюкзак, я начала складывать свои вещи. Вещей было немного, а потому занять себя сборами мне удалось ненадолго. Ложиться спать было рано, читать я бы не смогла, смотреть кино тоже, сосредоточиться не получилось бы, все мои встроенные сейсмографы регистрировали сильнейшую внутреннюю активность, толчки и смещения тектонических плит и пластов.

В такие моменты все, что нужно – переждать, пока твой организм отфильтрует токсины от выброшенных в кровь гормонов и нейромедиаторов, которые и заставляют тебя испытывать все эти переживания: досаду, желание переть напролом, добиваться своего любой ценой, ломать дрова, мстить и делать больно. Занять себя чем-то, чтобы отвлечься и дать организму время произвести все ликвидационные мероприятия, после чего ты снова будешь в здравом уме и трезвой памяти. Но по закону подлости именно тогда, когда ты больше всего в этом нуждаешься, переключиться тебе не удастся – зарождающийся внутри вулкан будет требовать извержения и, как показывает практика, оно неотвратимо произойдет. Если бы изобрели препараты, нейтрализующие этот гормональный коктейль в пропитанных им клетках, все эти непродуктивные эмоции, раз уж мы живем в обществе, где данные эмоции порицаемы, да и в которых, действительно, как во всех остальных рудиментах, уже давно нет никакой нужды. Инстинкт реагирования аффектом на ситуацию угрозы для жизни – замечательное эволюционное изобретение на том этапе развития человечества, когда такого рода ситуации – обычные условия среды обитания. Но в безопасном современном мире все эти адреналиновые бури обрушиваются на ничтожные, не стоящие внимания раздражители или, если не находят выхода наружу, разносят твои собственные оборонные валы и крепостные стены в атомную пыль.

Я включила ноутбук, чтобы набросать черновик и зафиксировать якорные фрагменты будущего текста. Собираясь с мыслями, я какое-то время сидела и смотрела, словно в транс, на экран монитора.

Курсор выжидающе мигал на белом поле нетронутого листа, пульсировал, готовый начать укладывать одну за другой буквы в красивые строки, проторять дороги и тропы, оплетая ими еще нехоженные междупутья, приглашающе мерцал, как сигнал маяка, обещающий непростое, но точно целенаправленное продвижение по глади пустой пока еще страницы.

Неделя. Неделя на необитаемом острове. Выпадение из реальности. Блаженное состояние пребывания вне всяческих надо, своих и чужих, и даже вне всяческих хочу. Ни чувства долга, ни чувства вины, ни этого вечного непроходящего ожидания недобросовестных злонамеренных интерпретаций твоих поступков и слов окружающими и их неадекватных негативных реакций на твои действия или бездействие. Безмятежное посекундное существование, пребывание *сущим* – живым *существом* – секунда за секундой, вдох за выдохом, удар сердца за ударом. Андрей Иванович, ну что же ты, ну как же ты так? Разбаловал меня, приучил, приручил, а сейчас взял и одним махом отрубил, отодрал меня, приросшую уже, от всего этого живьем?

Несмотря на возбуждение, которое все еще, как рубиновые бисеринки в остывающих углях камина, пульсировало в каждом воспаленном нервном волокне, сознание было на удивление ясным, в хорошем тонусе, и работало мне легко и продуктивно. И хотя перенесенное унижение уже начало трансформироваться в отторжение того, кто стал его источником, пока я могла описывать его почти беспристрастно и непредвзято.

Все началось с двух слов в путеводителе.

В ожидании встречи с сильно опаздывающим руководителем туристической компании, о предложениях которой мне предстояло писать рекламную статью в журнал, я от нечего делать пролистывала взятый на стойке администратора буклет о наших достопримечательностях, откуда и узнала об уникальном деревянном шлюзованном канале, которому было без малого двести лет. Четыре из пяти шлюзов системы, как и сам канал, были разрушены, четверть века ими не пользовались, но самый первый в лестнице, посетить который и зазывал путеводитель, оставался целым и крепким, его камеры поддерживали в порядке, чтобы не дать уйти в брешь воде из водохранилища, снабжающего тамошнюю гидроэлектростанцию. По этой же причине сооружение охранялось: путеводитель самым оборотистым образом называл его сторожа смотрителем шлюза.

Меня всегда занимал феномен популярности заброшек. Тысячи и тысячи одержимых археологов-самоучек, мнящих себя расследователями тайн человеческих цивилизаций, как заговоренные, едут и едут к руинам, останкам прошлого, этим неопровержимым уликам, вещественным доказательствам давно минувших бед и катастроф, тратят свое время и кровные, нередко рискуют здоровьем, лазая по держащимся на честном слове развалинам, измеряют рулетками обломки, сканируют георадарами землю, сдают на анализы образцы древних строительных материалов. Словно бы это сами пепелища взывают к ним, призывают раскрыть глаза, увидеть, наконец, правду, лежащую у всех на виду, кричат немимым криком, молят о восстановлении справедливости и отмщении за перевранную, попорченную, переписанную, скрытую истинную историю.

Вернувшись в редакцию после долгого и нудного интервью с отталкивающе высокомерным, а местами и откровенно хамоватым, патологически самовлюбленным туристическим боссом, я, едва преодолевая необъяснимое нетерпение, ввела в строке поисковика нужный мне запрос и, пересмотрев кучу не относящихся к делу сайтов, вышла на страницу любителей сплавов на байдарках, где в одном из альбомов отыскала интересующие меня фотографии. Снимки были препаршивого качества (никогда не понимала, зачем выкладывать подобный мусор в общий доступ): толпа людей, снятых далеко (лица мелкие) и в движении (еще и размытые) и как следует рассмотреть на них загадочного смотрителя мне не удалось. Но у меня возникло одно очень странное чувство – ощущение... полновесности, полнотелости, *материальности* происходящего, странное потому, что, как правило, незнакомые люди для нашего мозга – пустоты, бесплотные призраки, сгустки воздуха. И только имеющего значение, важного для себя человека воспринимаешь, как нечто, обладающее объемом, теплом, массой и силовым полем, влияющим на орбиты всех космических тел в твоей планетарной системе.

Впервые что-то похожее я испытала в детстве, когда мы с отцом, увлеченным грибником, шли по лесу, а из кустов взлетел потревоженный нами глухарь. Я не видела тогда самой птицы между ветвей, я была без очков, ребенком я ненавидела свои уродливые окуляры и носила их только в случае крайней необходимости, но я всей кожей или какими-то подкожными рецепторами прочувствовала присутствие рядом этой теплой одушевленной тяжести, грузно поднявшейся в воздух и вызвавшей ощущение его уплотнения от наполненности излучениями живой материи.

Такое же ощущение уплотнения, утяжеления воздуха испытывала я, глядя на это неразличимое в толпе мелких и нечетких пятен лицо, но если этих других пятен для меня не было, то это лицо совершенно осязаемо *было*.

В последующие дни я об этом не думала, но внутри под нахламлением всевозможных будничных бытовых забот тлел латентный очаг беспокойства, которое не давало мне погрузиться во что-либо полностью, потому что все, на чем я пыталась сосредоточиться, казалось нервирующе-незначимым и вызывало капризное отторжение – все это было *не то*.

Пару месяцев спустя я, изумленная этим совпадением, вновь услышала о старом шлюзе и его смотрителе от одного почтенного и весьма почтенных лет академика архитектуры. Импозантный ученый муж с окладистой белоснежной бородой и такой же густой и белоснежной, старомодно зачесанной назад челкой, в старомодном же костюме с жилеткой, частенько появлялся в редакции с предложениями-просьбами, или пожалуй, это уже правильнее было бы назвать раздражающе-настойчивыми требованиями поведать читающей публике об очередном архитектурном памятнике, находящемся под угрозой исчезновения. Присутствовавшие в такие моменты в редакции журналисты, утомленные чрезмерно активной гражданской позицией многодеятельного профессора, донельзя дотошного и докучливого, завидев богатырскую фигуру в костюме-тройке, малодушно разбежались по укромным редакционным углам – общаться с въедливым мастодонтом приходилось самому нерасторопному замешкавшемуся бедолаге.

Но в тот день под благодарно-недоумевающие взгляды коллег я сама вызвалась поговорить с неугомонным активистом, едва услышала на планерке о том, что культурным достоянием, плачевной судьбой которого он был озабочен на этот раз, оказался *мой* шлюз.

Руководство электростанции, на балансе которой числилась проблемная гидротехническая постройка, давно тяготело к тому, чтобы перекрыть заболоченный канал глухой бетонной плитой вместо полусгнивших деревянных конструкций, и дело с концом. Однако ученые выступали за сохранение выдающейся шлюзовой системы в качестве исторического наследия и туристического аттракциона. Пока волонтеры добивались финансирования, шли годы, а неумолимо ветшающие створки ворот камер так и оставались намертво заколоченными. Статьей в СМИ профессор рассчитывал спровоцировать какой-никакой общественный резонанс, что позволило бы инициативной группе заручиться поддержкой населения на грядущих общественных слушаниях по поводу выделения из республиканского бюджета средств на реставрацию.

С просьбой провести для меня экскурсию профессор посоветовал обратиться к охраннику шлюза Андрею Ивановичу – так я впервые услышала это имя.

Я внимательно слушала своего чопорного статного собеседника, но моими мыслями целиком и полностью завладел становившийся все более реальным, *материализовавшийся* прямо на глазах далекий и совершенно посторонний для меня полумифический незнакомец. Я еще не знала, что увижу и услышу, но уже нестерпимо хотела написать обо всем этом – текст с названием Смотритель шлюза просто обречен стать классикой.

Редактор особого восторга от нашей с профессором затеи, мягко говоря, не испытывал, дауншифтинг совсем не та тема, что может заинтересовать издание, пропагандирующее образ жизни жителя современного мегаполиса – сотрудника крупной корпорации, маниакального

карьериста и безудержного потребителя. Однако под нажимом неожиданно при его интеллигентности беззастенчиво настырного академика, редактор согласился отпустить меня в неблизкое путешествие при условии, что моя статья будет не о каких-то там скучных никому не нужных бревнах, а об одиноком сумасшедшем отшельнике в духе как страшно так жить. Я с деланным энтузиазмом согласилась, хотя в такие минуты бывала сама себе противна, игры в а-ля провокативную журналистику с ее издевательскими подтекстами уже начали вызывать во мне еще не до конца осознанный, но все более ощутимый протест: мне не хотелось писать мелкокопакостных, исподтишка глумливых подленьких статей, а уж тем более о тех, о ком запросто можно было позволить себе подобных статей не писать.

Андрей Иванович, разрушив все мои ожидания, лестным мое предложение рассказать о нем в модном дорогом журнале внезапно ничуть не счел. Со сбившим с меня спесь упорством давать интервью он долго наотрез отказывался – то ли проницательный, то ли, как все социофобы, мнительный, он не доверял мне, хотя и никак не давал этого понять, и попыток уличить меня в двойной игре и непорядочности, даже ненарочных, никогда не делал. Мы переписывались без малого полгода, с середины весны до середины осени. Поначалу он отвечал на мои сообщения не сразу, писал от силы пару раз в неделю, что держало в постоянном напряжении и все сильнее распяляло мой интерес к нему. Каждое новое письмо от него снова и снова становилось для меня самым значимым и занимающим мысли событием из всего, что случалось за день, а то и за всю неделю, при том что лето было традиционно насыщенным и щедрым на разнообразные поездки и встречи. Спустя некоторое время, чего я не могла не отметить, Андрей Иванович стал появляться в сети чаще, через, а то и каждый день. Было бы, наверное, слишком нескромно и самонадеянно связывать его возросшую сетевую активность с усиливающейся увлеченностью моей персоной, и я не позволяла себе такого рода прозрений, но это обстоятельство, чего уж там, очень льстило и окрыляло меня.

У меня успела сформироваться нешуточная зависимость от нашей с ним переписки. Я рассказывала ему новости, забавные и трагичные, он немногословно, по делу, комментировал их, приводя меткие, в тему, остроумные незатасканные цитаты из книг, о которых я, филолог, даже не слышала, искренне сопереживал, поддерживал и подбадривал меня. С первых дней нашей виртуальной дружбы я стала замечать за собой, что часто мысленно разговариваю с ним, и потом впоследствии иногда не могла вспомнить и отличить, о чем мы говорили на самом деле, а о чем только во время этих моих воображаемых продолжительных с ним бесед.

Я могу найти тему для разговора практически с любым собеседником, мне не составляет особого труда подстроиться под каждого конкретного человека и подобрать слова, которые помогут мне расположить его ко мне и нашему с ним диалогу. Однако несмотря на то, что многое я делаю автоматически, все равно общение это работа, несложная, но однообразная, а потому скучная и быстро надоедающая – мне начал становиться все более обременительным этот театр одного актера, актер, режиссер и драматург в котором – я.

Андрей Иванович не был пассивным слушателем, приемником, он сообщал, давал – он очень много давал мне.

В своих письмах он объяснил, с чего вдруг он, высокооплачиваемый юрист и звездный преподаватель университета, кумир студентов, бросил обе свои работы, сдал свою квартиру в городе и уехал жить сюда, на окраину мира, в столицу всех медвежьих углов планеты, если не совсем к черту на рога, то уже во вполне полноценное предрожье: его прадед, дед и какое-то непродолжительное время отец работали самыми что ни на есть настоящими смотрителями ныне печально знаменитого шлюза. Точнее, официально эта должность называлась начальник гидроузла, узнав о вакантности которой, Андрей Иванович и предложил свою кандидатуру – захотелось продолжить династию, тем более, что он и так уже подумывал отойти от дел.

В обязанности Андрея Ивановича входило присматривать за плотиной и защищать камеры шлюза от браконьеров-пиротехников, гидроудары от подводных взрывов которых рас-

шатывали и без того ненадежные, дышащие на ладан крепления. В былые времена в навигационный период шлюзованием судов занималась команда из трех матросов-судопропускников, сейчас Андрей Иванович управлялся один, но по его словам, каких-либо внештатных или пограничных ситуаций практически не возникало, хотя на пользующемся огромной популярностью канале толпилось немало туристов. Сам шлюз, руины средневекового монастыря на полуострове неподалеку, недействующий старинный маяк, погибшие при наполнении водохранилища водопады в русле осушенной реки, протекавшей когда-то, в свою очередь, по кратеру палеовулкана, а также менее романтичные, но более практичные грибные и рыбные места вокруг – все это очень привлекало самых разных исследователей, диких туристов, рыбаков, собирателей и краеведов-любителей всех мастей.

В поселке жилыми были всего два дома, Андрея Ивановича и его соседки Натальи Петровны. Свободолюбивая и своенравная Тетьнаташа, не ужившись в одной квартире с дочкой и зятем, выйдя на пенсию в сердцах съехала из города в деревню ко всеобщему облегчению. Летом некоторые поместья на время оживали, когда в родовые гнезда наведывались сезонные дачники.

Андрей Иванович сдавал гостевой дом с баней и недостатка в постояльцах не испытывал ни зимой, ни летом. Показывал своим посетителям окрестности, хотя работать экскурсоводом соглашался неохотно и не всегда, потому и уезжал в свое время в глушь анахоретствовать, что тяготился большими скоплениями людей. Тетьнаташа продавала туристам собственно-ручно собранные травы, ягоды и ягодные настойки, грибы и соленья, готовила на заказ завтраки-обеда-ужины. Также в ее импровизированной харчевне-лавке на дому можно было приобрести предметы первой необходимости: зубную пасту и щетки, репелленты, мыло, шампунь и прочую мелочевку, имеющую свойство или быть забытой и не взятой с собой и внезапно понадобившейся, или закончившейся за время отдыха. Как я позже узнаю, у Тетьнаташи можно было разжиться даже барьерными контрацептивами: Что я, по-твоему, совсем дремучая, что ли?, – вознегодовала предприимчивая оборотистая предпринимательница, увидев мое вытянувшееся лицо.

На эти доходы оба пустытника и жили в некогда довольно густонаселенном, а ныне оставленном населенном пункте, население которого, согласно последней переписи, составлял всего один пасечник – давно покойный предшественник двух новых самозванных поселян.

И хотя поначалу Андрей Иванович заподозрил во мне типичную современную самонадеянную пустышку-позерку, постепенно его несколько скептическое отношение ко мне изменилось. При сохраняющемся недопонимании причин моего неубывающего интереса к нему, в его интонациях все отчетливее зазвучало расположение. После затянувшихся переговоров он согласился в конце концов на встречу, вынудив меня дать слово, что в своей статье рассказывать я буду не о нем, а о прилегающих к каналу достопамятностях. Я обещала ему это, зная, что сдержать данного обещания не смогу, редактор ждал от меня совсем другого текста. Но в тот момент главным для меня было попасть в поселок у вожаемого шлюза, а уж как я буду выкручиваться потом, потом и буду решать.

Андрей Иванович встретил меня на автобусной остановке на трассе. Дальше нам предстояло пройти сквозь лес по грунтовой дороге.

Он, что здорово выбило меня из колеи, оказался совсем не таким, каким я его себе представляла. Я идеализировала его в своих фантазиях и мечтала, чтобы между нарисованным в моем воображении портретом и его прообразом обнаружилось хотя бы отдаленное сходство, но в глубине души роились тоскливые предчувствия, что этим моим мечтам сбыться вряд ли суждено. Гораздо более вероятным было то, что я не ошибусь в своих подспудных опасениях увидеть в реальности нечто среднее между старцем-пещерником и одичавшим геологом: интеллигентного закомплексованного закоренелого холостяка, робеющего в женском обществе и прячущего скованность за агрессивным равнодушием, не очень успешного в професси-

ональном плане, точнее, невостребованного, неконкурентоспособного на современном рынке вакансий обладателя нестереотипного мышления, обиженного на социум за мелкотравчатость жизненных запросов брюзгливого нелюдима в возрасте, наказывающего современное общество потребления своим презрением к его пошлым ценностям, – ведь кто еще по своей воле согласится сбежать от цивилизации в такую вот непонарошковскую глухомань?

Именно поэтому, к слову, и стало возможным то, что наша длительная виртуальная коммуникация была настолько... беспримесной. Лишенное всякого более или менее осознаваемого, в большей или меньшей степени завуалированного кокетства и флирта, отблески которого нет-нет, да и сверкнут бликами статического электричества между собеседниками, даже если оные и не претендуют на какие-либо более глубокие взаимоотношения, наше с ним общение было в чистом виде общением чистых разумов.

На самом же деле Андрей Иванович оказался гораздо моложе, ему было не больше сорока пяти, высоким и подтянутым, что свидетельствовало о регулярных занятиях спортом, гладко выбритым, с темными, подернутыми пепельно-серебристой проседью, но густыми, ничуть не поредевшими волосами, и живыми молодыми, цвета стали глазами с ироничными морщинами в уголках век. Он не был похож на аутсайдера, в нем не ощущалось характерных для проигравших пробоин в оболочке, через которые так и сквозит это специфическое, хорошо узнаваемое излучение вытесненного стыда за несостоятельность в сочетании с ежеминутной суеливой боеготовностью заходя отрицать свой неуспех, приукрашивать, привирать и перекладывать всю вину на внешние, не зависящие от тебя факторы. Его отстраненность произрастала из его сознательного отказа от участия в бесполой сутолоке, он позволял миру быть, каков он есть, не пытаясь влиять на то, что от него не зависит, и что не входит ни в его зону ответственности, ни в сферу его интересов. Оставаясь в пределах своего личного пространства, он не вторгался в чужое и – тактично, но непреклонно и неукоснительно – не впускал никого в свое. В обществе, где психологические границы нарушаются постоянно и самым варварским образом, где случайные прохожие считают себя вправе, а даже полагают своим долгом вваливаться к тебе со своими советами, требованиями и исками, умение держать оборону, не вступая в военизированное противостояние, не споря, не нападая и не особо напрягаясь с защитой, не оправдываясь и не осуждая в ответ с целью дать сдачи – это была удивительная и весьма, весьма и весьма завидная суперспособность.

Предполагая гостить у немолодого провинциала, увидев далеко не пожилого и, что очень меня смутило, привлекательного мужчину, я, с одной стороны, испытала что-то сродни ликованием от того, что казавшегося неизбежным разочарования не случилось, а с другой – и это ощущение было намного сильнее – я совсем растерялась. Мои упорные попытки напроситься в гости в этом новом свете начинали выглядеть недвусмысленно двусмысленно, Андрей Иванович ведь не знал, насколько я заблуждалась относительно его возраста. Нам предстояло провести вместе четыре дня (автобус проходил по трассе мимо старой деревни всего дважды в неделю) под одной крышей – гостевой домик был забронирован на много месяцев вперед, и приветливый хозяин великодушно согласился приютить меня в своем собственном.

Мы шли через лес, и я пыталась определиться, имеет ли смысл подчеркнуть, что мой визит носит исключительно служебный характер, или же не стоит этого делать аккуратно потому, что именно такими уточнениями я и перевела бы наше общение из деловой плоскости в какую-то другую, более... опасную. Эти метания лишали меня возможности собраться с мыслями и придумать тему для разговора. Я изо всех сил старалась не начать наш диалог самым банальным из всех вопросом не скучно ли вам тут, что не только продемонстрировало бы мою полную журналистскую беспомощность, но и что вдобавок ко всему было бы довольно оскорбительным, как оскорбительны, или как минимум малоприятны любые оценочные суждения гостя, а уж тем более незваного, чье мнение тем более никто не спрашивал.

В лесу пряно пахло прелыми листьями. Над дорогой висела полупрозрачная студенистая дымка, словно бы дневной свет не мог рассеяться в отечном от осенних дождей густом киселе воздуха и увяз в нем. В своей короткой стильной курточке очень скоро я начала отчаянно мерзнуть. Узкие джинсы напитались холодной моросью и липли к ногам, предусмотрительно – *продуманно* – купленный специально к вылазке на природу стильный горчичный шарф рыхлой вязки и шапочка к нему, которые смотрелись такими уютными и теплыми на манекене в торговом центре, в северном позднеосеннем лесу обнаружили свою абсолютную несостоятельность, остекленевшая каляная синтетика не грела, как если бы ее не было вовсе. От проливных дождей дорога вся была в глубоких разливаемых лужах, и мои новые кроссовки мгновенно промокли насквозь, а руки в тонких перчатках приобрели оттенок брюха дохлой рыбы.

– Давайте я понесу ваш рюкзак, – предложил Андрей Иванович.

– Спасибо, не надо, с ним теплее, – стараясь не стучать зубами, отказалась я от предложенной помощи.

Андрей Иванович бросал на меня взгляды, которыми родители смотрят на чужое – своего давно бы уже распекли в хвост и в гриву – неразумное дитя: сочувственно-порицающе, и то и дело вздыхал и качал головой. Я не сомневаюсь, что он предложил бы мне свою куртку, но на нем был надет слитный спортивный комбинезон.

– Простите меня, я совсем не подумал, тут идти-то всего пару километров... Надо было, конечно, взять машину...

Сообщение о предстоящих километрах неспешного чинного шествия сквозь лес вызвало во мне такое уныние, что я разом перестала переживать по поводу того, что начало беседы никак не задавалось.

– Возьмите, – Андрей Иванович протянул мне фляжку в стильном кожаном футляре с тиснением. – Это все, что я могу для вас сейчас сделать. Это анисовая настойка.

Строить из себя викторианскую пуританку и заставлять уговаривать себя я не стала. С благодарностью взяв предложенную мне фляжку, я сделала обжигающий глоток, вдыхая волшебный запах и мельком удивившись очередному совпадению: запах аниса – мой любимый запах.

Сознание мягко и плавно стало таким же нечетким и затуманенным, как магический пейзаж вокруг.

Красиво тут у вас было второй фразой, с которой я не могла позволить себе начать разговор: не оскорбительная для собеседника, журналистскую профнепригодность она выдает еще больше. Перебирая в уме варианты тем, я вдруг честно призналась:

– Андрей Иванович, я так замерзла, что ничего не соображаю, и никак не могу придумать, о чем поговорить. Сейчас я могу формулировать только жалостливые мысленные молитвы, чтобы эта бесконечная дорога побыстрее закончилась.

Он улыбнулся. Искренне и настолько доброжелательно, что меня будто обдало потоком теплого воздуха. С некоторым неверием я прислушивалась к своим новым непривычным ощущениям. Рядом с ним было не нервно, не не по себе, не *трудно*. Не ощущалось, как это обычно бывает в присутствии малознакомых, да и хорошо знакомых людей настороженности, что он как-то, нечаянно или специально, заденет тебя, поставит в неудобное положение, плеснет на твои перегретые гудящие провода ушат воды, ядерный гриб испарений от которой вызовет замыкание всех твоих систем. Рядом с ним физически ощущалось, что ему вообще не интересно и ни за чем не нужно знать о тебе что-то нелицеприятное, поиск инородных тел на чужих роговицах и злорадное удовлетворение от их обнаружения это совершенно точно удовольствие не для него.

– Я помню, вы считаете, что людям обязательно нужно о чем-то говорить, – в одном из своих писем я объяснила ему свое желание познакомиться с ним лично острой нехваткой в жизни незаурядных собеседников.

– Вы со мною не согласны, Андрей Иванович? – говорить мне приходилось, обходя и перепрыгивая лужи, и на фоне своего спутника, невозмутимо бороздящего ручьи в своих непромокаемых прорезиненных спортивных ботинках, я выглядела самым воплощением мельтешения и полной утраты контроля над обстоятельствами.

Андрей Иванович протянул мне руку, помогая преодолеть очередное мини-озерцо на моем пути.

– Большинство разговоров это лишь попытка сделать вид, что присутствие другого человека рядом имеет хоть какой-то смысл. Сегодня люди не нужны друг другу для какой-либо неимитационной совместной деятельности. Содержательная беседа – притянутый за уши предлог побыть в чужом обществе. Любая книга содержит больше информации, чем самый умный разговор. Я не потерял бы ровным счетом ничего, не услышав я девяносто процентов выслушанных за жизнь из вежливости ничем не примечательных чужих новостей и банальных рассуждений о смысле бытия.

– Андрей Иванович, вы говорите какие-то ужасно немодные вещи!

– Я сейчас начну ворчать по-стариковски! – он и вправду чуть сердился и даже не пытался смягчить это полуулыбкой. – Я уже достаточно немолод, чтобы позволить себе говорить немодные вещи, а то что думаю.

Он снова подал мне руку.

– У разговоров есть и другие цели и задачи. Произвести хорошее впечатление, например.

– А зачем вам нравится кому ни попадя? Вы возьмете у меня интервью и уедете, и мы с вами никогда больше не увидимся, зачем вам с такими усилиями и энергетическими затратами производить неизгладимое впечатление на кратковременного попутчика?

Я была сбита с толку тем, что он не поддержал моего предложения завести ни к чему не обязывающий обмен репликами ни о чем, а втянул меня в дискуссию, требующую обдуманых и развернутых, не односложных ответов, и не сразу нашлась, что сказать.

– Ну... хотя в вашем голосе и слышится неодобрение этого, но в желании нравиться нет ничего... зазорного. Это нормально, каждому хотелось бы быть... оцененным по достоинству.

– Чтобы окружающие понимали, сколько чести ты оказываешь им, снисходя до них?

Я рассмеялась.

– Скорей уж, Андрей Иванович, все как раз ровно наоборот. Это ты не чувствуешь себя... достаточно стоящим чужого внимания. Развлекая своего слушателя или сообщая ему некую якобы важную информацию, ты тем самым как бы пытаешься повысить свою полезность в его глазах, чтобы потраченное на тебя время твой собеседник не счел потерянным совсем уж впустую.

Сейчас когда я пишу о нем, я понимаю, что наши с ним диалоги могут показаться не совсем правдоподобными, обычные люди так не говорят – не умеют, не имеют возможности научиться так говорить. Но наше с ним общение начиналось как письменное, многое было сформулировано на бумаге: общаясь вживую, мы с ним обменивались, по сути, заготовками письменных сообщений.

Я хорошо помню свое собственное, еще совсем недавнее, повергавшее меня в отчаяние лингвистическое бессилие: когда я только начинала работать в журнале, собранная для статьи разрозненная информация каждый раз казалась мне кучей безнадежно перемешанных кусков паззла, составить из которых целостную картину – *сделать ее словами* – представлялось миссией совершенно невыполнимой. Но снова и снова оказываясь вынужденной делать это, я стала замечать, как эта деятельность постепенно становится для меня все проще и начинает получаться все лучше, как увеличивается объем памяти и словарный запас, повышается скорость восприятия и обработки поступающей информации, нарабатывается навык оперировать все большими и большими объемами данных. Умение мыслить, видеть взаимосвязи и закономерности и делать на их основании вытекающие выводы – развивается, как любое другое, но

в обычной жизни обычных людей подобных речевых ситуаций попросту не возникает. Отношение к разным явлениям действительности хранится у них в подсознании в виде смутных неотрефлексированных невербальных ассоциаций, когда человек не может толком объяснить, почему то или иное явление возмущает его, смущает, обижает, ранит, кажется оскорбительным, все происходит на уровне что-то не так, все понимаю, а сказать не могу. Устная и письменная речь среднестатистического носителя языка – это мучительная, как асфиксия, недостаточность номинаций и руины школьных знаний о синтаксисе, сквозь которые, как через магнитное поле, неповоротливый инертный разум с трудом протаскивает словесный лом, пытаясь уложить его в относительно связное внятное высказывание.

Самое ценное, что дала мне работа в журналистике – прекрасную возможность проговорить и прописать, облечь в слова свои мысли, научиться аргументировать каждое свое убеждение и, что гораздо важнее, – *обзавестись* ими.

– Вы нравиться не пытаетесь, не так ли, Андрей Иванович?

– Ну, здесь у меня нет надобности в этом.

Так повелось, что за полгода переписки мы с ним не перешли на ты. Я – потому как испытывала к нему искреннее глубокое уважение и полагала, что он намного старше, Андрей Иванович держался за свое вы в отношении меня потому что, поначалу нужно ему, чтобы держать дистанцию, со временем оно превратилось в одну из отличительных черт нашего общения, придающей ему особый шарм. В любом случае, мне очень нравилось это его элегантно-старосветское дворянское вы, и никто из нас никогда не предлагал отказаться от него.

– А что касается ваших душевных терзаний, будьте спокойны, по умолчанию ваше общение меня несколько не тяготит. Напротив, оно доставляет мне подлинное удовольствие, – еще никогда я не слышала, чтобы комплименты делали так.

Это была не лесть, не дежурная вежливость, не стремление расположить к себе – спокойная констатация без свойственной такого рода признаниям сопутствующей опаски спровоцировать в собеседнике подозрения в наличии у оказываемой любезности каких-то потаенных своекорыстных – манипулятивных – умыслов.

– Поэтому вы можете не зондировать мое отношение к вам, а обращаться ко мне, только если у вас возникнет такое желание. И мне здесь не скучно.

Я пристально взглянула на него, но он продолжал смотреть на дорогу перед собой.

– И да, у нас здесь очень красиво.

Он не интересничал, не рисовался и не любовался собой со стороны, в нем вообще не было ничего показного и наигранного.

Люди всегда стараются повлиять на чужое отношение к себе, дать подсказку, как они хотели бы быть воспринятыми – всучивают собеседникам некий образ себя. Употребляя в своей речи известные всем и каждому клише и прибегая к шаблонным моделям поведения, люди пытаются добиться от окружающих желаемых, строго определенных, заданных выбранной ими стратегией ответных реакций. Андрей Иванович не прилагал ни малейших усилий для того, чтобы превентивно корректировать мои возможные неверные умозаключения и нелестные суждения о нем: он предоставлял мне полную свободу в моих оценках, оставляя за мной право на любое мое мнение о нем.

– Не пугайтесь, я не умею читать ваши мысли. Просто именно так начинают разговор почти все без исключения. Спасибо, что вы все-таки не стали прибегать к этим вступлениям, – с вопросительной улыбкой он снова протянул мне свою фляжку:

– Или вы считаете себя недостаточно стоящей этого?

Я взяла фляжку и сделала еще один глоток настойки.

Все было совсем, совсем не похоже ни на один из сценариев, к которым я готовилась.

Быть может, впервые в жизни я не только не была в той или иной мере разочарована – я была до изумления очарована происходящим.

Дом света

Дом Андрея Ивановича оказался современным коттеджем из бруса, возвышавшимся на крутом скалистом берегу широкой порожистой реки, воды которой низвергались с вершины деревянной переливной плотины чуть выше по течению. Я видела такое только в кино и мне казалось, что в жизни так не бывает, эта картина – дом на скале у живописного водопада – слишком кинематографична и постановочна, книжно-идеальна – *сказочно*-красива – настолько, что даже невольно начинаешь чувствовать себя немного виноватым, если можешь позволить себе нечто подобное в реальности.

Внутри дом тоже приятно удивил – удивил не то слово. Я настроилась наблюдать повсеместные проявления холостяцкой запущенности, помноженной на деревенскую небрежность и стариковскую неряшливость, но просторное помещение со "вторым светом" над гостиной, совмещенной со столовой и кухней, не было захламленным и выглядело безупречно убранным даже по моим меркам законченного перфекциониста и чистоплюя. Одну из бревенчатых стен без отделки всю закрывал стеллаж с аккуратными, как по линейке – я млела – рядами книг, у противоположной стены расположился диван, точнее, широкая деревянная скамья с объемными подушками. В центре комнаты был сооружен невероятно стильный четырехсторонний камин со стеклянными дверцами-экранами, у камина стояло респектабельное кресло-качалка с дорогой кожаной обшивкой благородного винного цвета. На полке над диваном-скамьей была любовно расставлена целая коллекция антикварных керосиновых ламп, по большей части, о чем вскользь прихвастнул в своих письмах их владелец, аутентичных: они применялись для освещения шлюза в ту далекую пору, когда на канале еще не было электричества.

Из панорамного окна во всю стену открывался захватывающий дух вид на водопад и реку, что делало окно похожим на живое полотно кисти гениального пейзажиста. На ночь оконный проем "занавешивался" оригинальными раздвижными ажурными ставнями, выполненными из тонких, как картон, листов фанеры с вырезанными в них марокканскими узорами. Я тоже начала замечать за собой, что с возрастом стала все больше тяготеть к отсутствию в интерьере ткани. Парадоксально, но аккуратно этот призванный создавать ощущение "оформленности", заполненности и уюта быстро стареющий и изнашивающийся материал придает жилищу атмосферу запустения, утомленности годами, бытовой скукой и пылью, безвольной обвисшей обветшалости и "норной" спертости и затхлости. Нестерпимо хочется посрывать все это мягкое истрепанное тряпье, хочется простоты, чистоты, пустоты и привносимой ею свободы и легкости. Прозрачная ширма вряд ли полностью спасала от ночной темноты и посторонних взглядов снаружи, но, по всей видимости, владельца дома ничуть не смущало ни то, ни другое.

Огонь (очаг в центре комнаты), вода (прямо за окном), дерево, пропитавшее весь дом своим приятным ненавязчивым запахом, камень, которым был облицован высокий камин, сочный пышный стабилизированный мох, покрывавший фрагмент стены на кухне, металл, за стихию коих отвечала изящная кованая поленница и кованый держатель для кочерги и совка – идеально. Все природные стихии. Все природные фактуры. Ничего лишнего. Ничего недостающего.

На гладком паркетном полу никаких половиков, ковриков, циновок или, упаси бог, шкур. Тапок хозяин дома не предложил, не было их видно и под вешалкой у входа. Сам Андрей Иванович ходил по дому босиком, полы были теплые и чистые.

– Я разогрею вам обед, – не предложил, а поставил меня перед фактом Андрей Иванович, извлекая из холодильника сковородку и жестом приглашая меня садиться за стол.

Я с огромным облегчением опустила на стул. Я выбилась из сил и была зверски голодной: сказывались ранний завтрак с последовавшим за этим энергозатратным марш-броском через лес – но я очень смущалась есть при нем.

Ведь девочки, как известно, не едят. Не едят, не посещают "комнату для чтения" и вообще родились в одежде, а внутри у них ничем не занятая пластмассовая кукольная полость. Есть в присутствии другого человека это как признаться в том, что ты совсем не похожа на принцессу из бестелесного мира детской раскраски, это расписаться в своей человечности – человекности, разрешить другому узнать, что под одеждой ты, как и он, абсолютно голый, а под кожей у тебя секреты... желез. Лично я не люблю знать о себе такое, и тем более признаваться в таком кому-то еще – и уж тем более представителю противоположного пола. Подростком я избегала жевать даже перед постерами с изображениями своих любимых актеров и рок-музыкантов, мне было неловко даже от их бумажных взглядов.

Парадоксально, но почему-то болезненно-щепетильное общество, зарегламентизировавшее все типы человеческих отношений, осталось настолько нечувствительным к такому виду взаимодействия, как совместный прием пищи. Считается, что *ничего такого* в этом нет, в то время как на самом деле для этого, казалось бы, платонического контакта требуется едва ли не меньше доверия и смелости, чем для первого обнажения перед сексуальным партнером.

– Я планировала обедать у вашей соседки Натальи Петровны, – поспешила я уверить радушного хозяина дома в своей способности пропитаться самостоятельно, не обременяя его.

– Не беспокойтесь, вы не объедите меня.

– Спасибо. Но я все равно чувствую себя бедным родственником и... "покормякой" – слышали такое слово? Я сама недавно узнала.

– Слышал. Слово хорошее.

– Вы не составите мне компанию, Андрей Иванович? – подобралась я, увидев, что он достал из шкафчика для посуды всего одну тарелку.

– Буквально перед вашим приездом нагрянули эксперты из Финляндии. Наши волонтеры снова подали заявку на получение какого-то там гранта на реставрацию шлюза. Мне нужно отнести кое-какие документы и книги, которые они попросили.

– Мне почему-то очень неудобно, – даже не пытаясь попытаться создать видимость непринужденности, снова поразила себя своим чистосердечным признанием я: Андрей Иванович каким-то непостижимым образом, ничего особенного для этого не предпринимая, умел сделать неловкую ситуацию такой, словно ничего неловкого в ней нет вовсе. – Вы не задумывались над тем, что...

– ...безусловно, это очень интимный процесс, – закончил он за меня мою мысль, и не только закончил: нашел самое подходящее определение, которое никак не удавалось выловить в ворохе синонимов мне самой. – Есть такая старая притча. Однажды некий мудрец отравился простецкой похлебкой в гостях у бедняка. К занемогшему наставнику пришли его удрученные ученики и обрушились с упреками в адрес незадачливого хозяина лачуги. Однако учитель попросил своих преисполненных праведного гнева учеников замолчать. Потому как отведавший предложенное от души, от всего сердца – священный долг гостя.

Рассказывая, Андрей Иванович помешивал на сковородке картошку с грибами – как человек с богатым опытом деревенского каникулярного детства, я сразу узнала своеобразный запах еды, приготовленной в печи.

– Корни этих представлений уходят глубоко-глубоко в прошлое. В первобытные времена не существовало концепции загробного мира. Люди верили, что после смерти ушедшие переселяются в царство зверей и становятся тотемами. Тотем это волшебное животное-покровитель племени. Тотемы – своего рода "недобожества", "предбоги". Которые позже, в период политеизма, приобрели антропоморфный вид и эволюционировали в "полномасштабных" богов. Чем и объясняется, по одной из версий, внешность древних богов, многие из которых были наполовину человеком, а наполовину зверем или птицей: данное смешение черт как раз и есть отголоски тех самых промежуточных форм переходного этапа от зверообразования к человекоподобию. Перевоплощаясь в тотемное животное, умерший закономерно приобретал и все его "волшеб-

ные" свойства и умения. Отсюда возникла идея, что дети усопшего, ставшего новоиспеченным тотемом, тоже автоматически наделяются его качествами, потому что все дети похожи на своих родителей. Но для этого было нужно, чтобы сменивший свой облик родитель переродил своего ребенка. "Переродить" это еще раз родить то, что уже рождено, переделать, усовершенствовать нечто, уже имеющееся. "Зачать" уже рожденного ребенка, поместить его внутрь себя тотем мог самым очевидным, первым приходящим на ум способом – путем заглатывания, съедения. А "рождение" осуществлялось, соответственно, посредством "выплевывания". На практике это выглядело весьма колоритно. Неофита засовывали в выпотрошенную тушу крупного животного, лося или медведя, и через какое-то время извлекали из нее. Именно так в племенах первобытных охотников проводились инициации – посвящение мальчиков во взрослое мужское сообщество. Был мальчик, был пере-рожден – стал мужчина, и не просто мужчина, фактически полубог. Затем от буквального исполнения ритуала перешли к его инсценировке, и вместо туш зверей стали использовать шалаши в виде животного с распахнутой пастью. Прообразом "избушки на курьих ножках" тоже вполне мог послужить такой вот симулятор. А мотив проглатывания и выхаркивания героя гигантским китом или другим зверем с последующим обретением героем новых суперспособностей, как и мотив обретения героем способности обращаться в зверя или птицу, присутствуют в мифах и сказках практически всех народов мира. Царевна-Лягушка, Царевна-Лебедь – это только навскидку. Со временем верования изменились, и имевшаяся вначале пусть и своеобразная, но надо отдать должное, железная логика полностью исказилась. Все перевернулось с ног на голову, люди придумали, будто съедая что-то сам, а не будучи съеденным, приобретаешь свойства съеденного. Съедая во время причастия кусочек бога, ты и сам как бы становишься чуть-чуть богом, – Андрей Иванович переложил содержимое сковородки на тарелку и поставил ее, аппетитно дымящуюся, на стол передо мной, а сам отошел к стеллажу, где начал искать нужные ему тома.

– Древние охотники-язычники своих богов не ели. Но у них существовал обряд совместного с ними пиршества. В дар богам приносили быков и другую живность, которую потом зажаривали и поедали – жрецы и сами жертвователи. Вкушать с богами сакральную пищу называлось "жрать". Да, слово "жрать", как и "жрец", происходит, как предполагают некоторые исследователи, от слова "жертва", только и всего. Свой современный резко негативный смысл это слово приобрело в период христианизации, когда все, что было связано с язычеством, было объявлено "дьявольским". Кстати, дьявола в языческих культах тоже не было. Дьявол – изобретение сугубо христианское. Этим обобщенным термином придумали обозначать огульно всех старых богов, которых с принятием новой религии следовало дискредитировать и дисквалифицировать, – Андрей Иванович периодически брал с полки какой-нибудь справочник, на секунду замолкал, пролистывая его, откладывал в сторону нужный, ставил обратно тот, что нужен не был, и снова возобновлял свой рассказ, удивительным образом не теряя канвы повествования.

За все время своего монолога он ни разу не взглянул на меня.

Мне было гораздо спокойнее от того, что он не смотрел на меня.

Много общаясь с самыми разными собеседниками, я заметила, что человек неосознанно стремится избегать прямых зрительных контактов. Рассказчик пытается отвлечь чужой взгляд жестами, перенаправляя его тем самым на свои руки или на то, на что они указывают, слушатель, в свою очередь, задумчиво кивая, смотрит перед собой "ничего не видящим" взглядом. Я сама никогда не пользовалась диктофоном и записывала все свои интервью строго ручкой в блокнот, чтобы у меня была веская объективная причина не смотреть на своего собеседника, не встречаться с ним глазами.

Возможно, это детская, страусиная политика избегания признания существующего положения вещей. Ты никогда не знаешь, чего ждать от другого человека, а потому чужое присутствие это всегда тревожащая ситуация неопределенности, читай – потенциальной опасности,

но, как думает ребенок, если я чего-то не вижу – *пока* я этого не вижу – этого как-будто нет. Закрыв лицо ладонями, значит – спрятался, сам перестал видеть, значит – стал невидимым.

Самое трудное в отношениях – смотреть друг другу в глаза. Выдерживать взгляд.

Человек. Мужчина. Я вижу его. Он есть. Его *не* нет.

И называть мужчину по имени. Не малодушно по имени-отчеству, и не уменьшительно-ласкательными прозвищами, все это отвлекающие уточнения, дополнительные наслоения, матрешка в матрешке. Произнести "голое" имя это как удалить один за одним все экранизирующие пласты, вскрыть все защиты и добраться до праосновы, самой сути, самой "самости". Недаром во всех примитивных культурах в обязательном порядке существовала разветвленная система строжайших табу, связанных с именами, и традиция наделения человека вторым, "ненастоящим" именем: завладев настоящим, недоброжелатель мог очень сильно навредить его обладателю.

Быть может, поэтому – из страха внедриться в структуры мироздания, о которых ты не знаешь ровным счетом ничего – так боязно произнести имя.

Андрей.

Я не могла, мне было нелегко сделать это даже про себя – я невольно покосилась на Андрея Ивановича: я не произнесла всего этого вслух, он не слышал моих размышлений, не догадался о них?

– Откуда вы все это знаете, Андрей Иванович?

– Один мой хороший приятель, преподаватель филофака, читал цикл открытых лекций по славянской мифологии в университете и пригласил меня послушать.

– С трудом могу представить себе современного юриста, посещающего на досуге лекции по славянской мифологии!

– Отчего же, отнюдь, это было преизрядно занимательно и познавательно, – отсортировав все, что ему было нужно, он со стопкой книг в руках направился к двери.

Положив книги на полку у входа, он по-мальчишески легко опустился на одно колено, чтобы завязать шнурки:

– Вот почему раньше совместной трапезе придавалось особое значение. Считалось, что тот, кто ел твой хлеб, не сможет стать тебе врагом. Ведь вы стали чем-то одним. Поэтому гостей встречали хлебом-солью, и именно поэтому существовал, и сейчас сохраняется во многих деревнях обряд "кормления" умерших, гостей из другого мира, когда на могилы кладут печенье и другие угощения. Принятие предложенного это своего рода подписание пакта о ненападении, декларация добровольного согласия на непричинение зла.

– И именно поэтому вы хотите не медля накормить меня?

Спрятав улыбку и ничего не ответив, Андрей Иванович надел куртку и, взяв свои книги, вышел.

Внутри, в самой глубине солнечного сплетения зародилось щекочущее напряжение, вдоль позвоночника осыпался оползень горячих иголок. В Андрее Ивановиче сочетались несочетаемые качества. Молодой современный мужчина, он был по-стариковски чуток, заботлив и старомодно... *ласков*: уже само это слово "ласка" сегодня архаизм. По-деревенски трогательно добродушный и снисходительный, вместе с тем он был "по-городски" образован, начитан, умен, остроумен, ироничен и даже саркастичен порой. Но в его иронии не было деструктивного начала, свое умение видеть насквозь он не использовал для того, чтобы утвердить собственное превосходство, он просто знал это, никак не пользуясь этим знанием против того, о ком он это знал. Уже в самом его имени содержалась эта эклектичность – холодное "княжеское" Андрей сочеталось с "простонародным", теплым и "домашним" Иванович.

Доев – не спеша, смакуя – свой обед, я составила посуду в мойку.

– Спасибо, – поблагодарила я как раз вернувшегося к этому моменту хозяина дома. – Было неопишимо вкусно! Вы сами готовите, Андрей Иванович?

– Крайне редко. Наталья Петровна готовит и помогает мне по дому, у нас с ней "бартерные" отношения и натуральный обмен, – он поднялся по лестнице на второй, мансардный этаж. – Я вожу ее в город за покупками, она помогает мне с ведением домашнего хозяйства, – прокричал он сверху.

Вот почему в доме было так чисто, хотя совершенно невозможно было представить Андрея Ивановича моющим полы.

– Вы готовы? Прогуляемся к шлюзу? Чтобы время не терять, – спросил он, спускаясь вниз с принесенными вещами.

– Я хотела помыть посуду... – я была немного задета этой его формулировкой: за чье "потерянное" в обществе друг друга время: мое или свое – он переживал больше?

– Потом, оставьте. Идемте, пока не стемнело. Наденьте это, в своих нарядах вы тут долго не протянете, – он подал мне теплую куртку и шерстяные носки, которые держал в руках.

Я достала из своего рюкзака телефон и кой-какую нужную мелочевку: гигиеническую помаду, упаковку бумажных платочков – которую рассовала по карманам. Из шкафчика для обуви у входа Андрей Иванович достал резиновые сапоги.

– Они вам великоваты, но других нет. Я попросил Наталью Петровну протопить вечером баню, чтобы вы не разболелись тут после нашего спонтанного утреннего променада.

В этом нелепом виде я и отправилась на экскурсию, бросив раздосадованный взгляд на свои якобы утепленные якобы зимние кроссовки у порога, которые не справились со своей функцией беречь от холода и так основательно подвели меня.

На улице нас ждали эксперты: два пожилых финна с белесыми волосами и такими же светлыми, почти невидимыми бровями и ресницами, с характерно вздернутыми востренькими треугольными финскими – "гномиковскими" – носиками. Оба невысокого роста, "дробненькие", как назвала бы это моя белорусская бабушка, подвижные и "мельтешливые", потешно озабоченные происходящим. В стороне курил их переводчик, атлетического сложения мужчина лет пятидесяти-пятидесяти пяти.

– Алексей, – протянул он мне руку для рукопожатия и какое-то время удерживал, не ослабляя нажима, мою ладонь, в упор, как офицер новобранца, рассматривая меня немигающим изучающим взглядом, чем довольно сильно смутил меня.

– Вперед? – поторопил собравшихся Андрей Иванович, спасая меня из моего затруднительного положения: я не решалась выдернуть руку, а пауза явно затягивалась.

Мы прошли по мосту и начали подниматься друг за другом в гору сквозь лес. Узость скользкой кривой козьей тропки, не позволявшей идти рядом, и шум водопада делали невозможной светскую беседу, что было очень кстати, я капризничала и злилась, и ничего не могла с собой поделать. Во-первых, мне не хотелось предстать в таком виде: в мужской, висящей на мне, как на колу, куртке и резиновых сапогах – перед посторонними людьми, тем более мужчинами. Во-вторых, мне хотелось остаться с Андреем Ивановичем наедине, я самым банальным образом ревновала его к остальным членам нашей импровизированной экспедиции – забавно, как быстро у меня выработалось чувство монополии на его общество.

Деревянный двухкамерный шлюз, к которому мы тем временем приблизились, оказался не таким уж и "игрушечным", как мне представлялось. Каждая камера была пять метров в ширину, двадцать пять в длину и порядка семи метров глубиной. Внутри обеих камер были установлены специальные балки-лаги, распирающие покрытые сочным зеленым мхом и черной плесенью стенки, чтобы те не перекосило. Сквозь неплотно прилегающие друг к другу верхние ворота фонтанчиками выбивалась вода. Стенки самого канала уцелели лишь местами, заваленный гнилыми обломками бревен и ветками, с размытыми заболоченными берегами, канал уходил дальше и терялся в густых зарослях кустарника.

– Купцы больше ста лет добивались царского указа проложить здесь судоходный путь. Река, вытекающая из озера, слишком порожистая для навигации. Но мельники, чьи мельницы

стояли по всему течению реки, противились строительству канала со шлюзами: это привело бы к падению уровня воды в озере и снижению требующегося им напора воды в реке. Ну и приход на местные рынки иногородних конкурентов тоже, надо полагать, заманчивой перспективой казался им едва ли. Я читал, что здешние мукомолы даже сооружали фиктивные мельницы, чтобы в своих нотах протеста царю создать видимость большей многочисленности своего "антишлюзного" лобби. Строительство началось только в тридцатых годах девятнадцатого века. Канал и в лучшие времена использовался не сказать, чтобы активно. Слишком тесные камеры, пройти здесь могли только малогабаритные баржи, и только весной, во время паводка, летом вода убывала. К шлюзам подходили купеческие корабли, некоторые из которых тянули по воде до двухсот душ бурлаков. Дальше товар перегружали на суденышки поменьше и так, порционно, спускали по ступеням шлюзов к селениям внизу. Позже бурлаков сменили буксиры на конной тяге, а лошадей в свою очередь заменили через какое-то время на машинные буксировщики. Шлюзование производилось вручную, судно заводили в камеру, затем, навалившись на рычаги, закрывали входные ворота, спускали воду, после чего так же руками открывали выходные ворота и выталкивали судно в подходной канал, – увлеченно и увлекательно рассказывал, как если бы читал вслух подробный конспект, Андрей Иванович.

Я слушала его, как завороженная, не только из-за небезынтересных сведений, красивого тембра его голоса и безукоризненно грамотной, что для меня, филолога, всегда было бальзамом на душу, литературной речи, но и из-за его выразительной мимики, – я украдкой наблюдала за его лицом и не столько слушала, сколько смотрела его выступление, как мини-моноспектакль.

Из этого моего самогипноза меня выдернул взгляд переводчика Алексея, который я в один момент почувствовала на себе. Его первоначальное недоумение, словно бы он не ожидал увидеть Андрея Ивановича в обществе молодой женщины, сменилось беззастенчиво открытым любопытством. Я пыталась понять, замечает ли этот очевидный и несколько не скрываемый интерес ко мне Андрей Иванович – и не компрометирует ли это меня в его глазах – и обратила внимание, что его же реакции изучает и наблюдательный Алексей, как будто пытаюсь определить, в каких отношениях состоим мы с начальником гидроузла.

От всех этих сопоставлений мне стало душно и я расстегнула куртку.

Алексей начал переводить доклад Андрея Ивановича финским специалистам, те, уточняя у него какие-то детали и оживленно обсуждая что-то друг с другом на финском, фотографировали камеры и ворота шлюза. Андрей Иванович был им пока не нужен, и он предложил мне пройтись к маяку. Я согласилась, несказанно обрадовавшись возможности снова остаться с ним наедине.

Берег озера был каменистым и идти по мокрым камням в сапогах не по размеру было ужасно несподручно. Мягкая резина елозила вокруг стопы и я то и дело поскользывалась, предельно ударяясь о булыжники пальцами ног, и без того натертыми долгой утренней ходьбой в новых неразношенных кроссовках. Но мысли о том, что не стоило соглашаться на вторую километровую прогулку подряд, даже не возникало. В самых глубинных отделах подсознания, сформировавшихся еще на эволюционном этапе "доразумности", отвечающих за интуицию, чувство непознаваемого, протекала какая-то новая для меня интенсивная трансформационная внутренняя работа. Всей своей сущностью я ощущала, что со мной происходит что-то очень... онтологически – метафизически – важное, что-то, меняющее мировоззрение, создающее тебя – *личностеобразующее*.

Темно-желтая пожухлая трава в пояс, неломкая, побитая штормами, снопами плашмя обвалилась на землю. Волны медитативно набегали на камни, неутомимо гладили, оглаживали, баюкали, пестовали свои берега с неиссякающей нежностью. Шелестела плантация сухого тростника в воде, пришепetyвала вспененная вода, подступающий к озеру лес был полон шорохов, рождаемых ветром в еще не до конца облетевших кронах деревьев: окружающее про-

странство было полно непрерывного шуршания и нашептывания, словно бы это сами северные духи пытались то ли сообщить мне что-то, то ли заговорить, приворожить меня, возвести вокруг меня защитные обережные ауры.

У самой воды на берегу живописно завалился на бок остов брошенного деревянного баркаса с пробоинами в бортах. Чуть поодаль на естественной покато, отполированной волнами до зеркальной глади гранитной плите – "бараньем лбу" – возвышался двухметровый деревянный крест с двускатной "крышей", который удерживала насыпанная у его основания пирамида из камней.

Я достала из карманов телефон и сделала несколько снимков этой воплощенной северной меланхолии.

– В старину до изобретения маяков такие кресты служили в качестве береговых ориентиров. По-сути, это те же маяки. Кроме того, их перекладыны указывали стороны света, так что крест выполнял еще и функцию компаса. Я слышал такую гипотезу, к слову, что изначально крест был символом Богини-Матери с руками, распахнутыми то ли для того, чтобы обнять, то ли чтобы защитить, закрыть собой дитя, – Андрей Иванович подошел и снял с креста аляповатый безвкусный веночек из искусственных цветов.

– Не люблю, – объяснил он, словно оправдываясь, хотя у меня самой просто чесались руки сделать тоже самое, убрать этот кричаще яркий и вопиюще неуместный здесь акцент. – Тут никто не похоронен, это навигационные или обетные кресты. Но туристы любят поиграть в знание дела и учинить какое-нибудь действие, кажущееся им преисполненным высшего смысла, но на самом деле какого-либо смысла лишенное начисто.

Андрей Иванович беззлобно отбросил веночек в сторону:

– Заберем на обратном пути.

Я сделала еще несколько кадров креста без венка – так было намного лучше.

– Приезжая сюда, поначалу туристы опьянены местной экзотикой. Уединение, тишина, суровые первозданные пейзажи, модное отдохновение от сумасшедших сверхскоростей большого города. Но уже через пару часов в их глазах все сильнее начинает проступать паникующее недоумение. Канал и маяк осмотрели, в бане полчаса посидели, огонь в камине разожгли, все галочки поставили, всю программу выполнили – а дальше что? Это что, все?! Что еще тут делать? Что еще обежать, на ходу потрогать, ахнуть и, не выбирая ракурса, сфотографировать? Им словно бы недоступно понимание, что смысл не в том, чтобы растопить камин и, вычеркнув этот пункт из перечня запланированных дел, нестись дальше воплощать следующие пункты длинного списка.

– А в чем смысл, Андрей Иванович?

– В том, чтобы весь вечер проводить у огня. Вечер за вечером.

– Вы поэтому захотели уехать?

– А почему вы захотели приехать ко мне? – его встречный вопрос был сформулирован как-то не совсем логично, а Андрей Иванович был не из тех, кто не тщательно выбирает слова.

Каждое его слово было самым точным, самым устраивающим его, и эту формулировку "*приехать ко мне*", а не "*приехать сюда*", он тоже употребил отнюдь не случайно, но я не смогла с ходу разобраться, что с этим выражением не так.

– Когда мне про вас рассказывали... – я пыталась снизить патетичность своего высказывания самоиронией, – у меня сложился образ эдакого... могущественного верховного жреца, всеведующего оракула, все понявшего про жизнь и про людей, владеющего сокровенным сакральным знанием. К которому хочется обратиться и получить вразумительные и конкретные детализированные инструкции, как жить. Что правильно, что нет, что можно, что нельзя, как надо, как не надо, и что вообще тебе надо, а что сто лет не надо...

Андрею Ивановичу мое смущение не передалось и моего паясничания он не поддержал, остался абсолютно серьезным:

– Но я убежден, что каждый человек и сам прекрасно знает, что ему нужно в жизни.

– Ну да, наверняка универсальных, готовых к употреблению сводов правил нет. Каждый должен сам выстроить... выстрадать свою иерархию ценностей. Но иногда хочется, чтобы кто-то авторитетный легализировал, что ли, все то, что ты сам себе напридумывал. Придал этому статус неопровержимой истины. Чтобы больше никто не смог сбить тебя с толку, выбить почву из-под ног и заставить тебя сомневаться в правильности выбранного тобой пути.

– То есть вам нужен не учитель и знания, а тот, кто разрешит вам все то, что вы хотите? Я рассмеялась.

– Похоже на то, – согласилась я, с ним это было несложно и уже начало входить у меня в привычку: признаваться в своем истинном отношении к тем или иным вещам. – Кто-то жутко главное, разреши мне что-то возможное, пожалуйста! И скажи им всем, что ты разрешило!

– А почему вы покраснели?

– А почему вы при вашей деликатности не сделали вид, что не заметили этого? Да, Андрей Иванович, учитель это не совсем то, что я ищу. Учитель не стремится обеспечить ученику условия для... развития. Его цель не в том, чтобы помочь ученику найти и пройти свой путь, а в том, чтобы заставить ученика, ни на шаг не отклоняясь, пройти путь учителя, пройденный им самим в свое время за своим учителем. А поскольку в любой сфере знаний, какую ни возьми, полным-полно стереотипов, добросовестных заблуждений и недобросовестных искажений, обучение становится похожим не на обмен знаниями, а скорее уже на обмен незнанием. Кроме этого, любой учитель очень ревнив к успеху своего воспитанника. Ни один мастер не захочет, чтобы подмастерье превзошел его. Поэтому в глубине души никто не хочет никого ничему учить. К тому же люди любят провозглашать своими учителями вещателей прописных истин, потому что даже информацию о том, что вода мокрая, им непременно нужно получить из какого-то надежного проверенного источника. Самостоятельно сделать такие выводы они не в состоянии. Мне нужен не учитель, а кто-то, кто сможет подтвердить верность *моих* наблюдений и интуитивных догадок.

– Никто никого ничему научить и не может, научиться чему-либо можно только самому. Никто не имеет полномочий оценивать правильность чужих приоритетов и санкционировать чужой образ жизни. Ни один человек в мире не может разрешить или запретить вам жить так, как вы считаете нужным. Если только это не выходит за рамки уголовного кодекса, конечно.

– А вот здесь вы ошибаетесь, Андрей Иванович. Люди могут запретить тебе делать то, что ты считаешь нужным, используя безотказный арсенал. Насмешка. Неприятие. Осуждение. Обесценивание. Бойкот, травля, остракизм.

– Ну, гадких утят не убивают. Сегодня их даже не бьют.

Я снова рассмеялась.

– Мы пришли, – Андрей Иванович взглядом показал куда-то вверх.

Небыстро пробираясь по камням, то и дело поскользываясь, но, несмотря на всю труднопроходимость маршрута, незаметно для меня мы вышли из леса на острие длинного мыса. Перед нами открылось широкое каменистое плато, в центре которого, упираясь своими металлическими ногами в осыпавшееся бетонное основание, возвышался старый маяк, не увидев башню коего над верхушками деревьев я могла только потому, что была вынуждена постоянно смотреть под ноги, чтобы не упасть.

Андрей Иванович вывел меня к маяку, которого я не замечала.

Не нашла дороги к объекту, призванному указывать путь.

К погасшим маякам нужны проводники.

Не цилиндрический, формы "шахматной королевы", с деревянной, ныне частично обвалившейся обшивкой верхней половины башни, с конусовидной крышей и открытым балконом, опоясывающим фонарное помещение, – это был не самый старинный, не самый грандиозный

в плане архитектуры, довольно, надо признать, обыкновенный и ничем не примечательный маяк, но меня захлестнула самая настоящая эйфория.

Он делал это. Это не макет, не муляж, не бутафорская декорация. Это маяк "из плоти и крови", который был, светил, и который, возможно, в самом прямом смысле спас не одну человеческую жизнь. Это чувствовалось в воздухе вокруг него, все это особым образом структурировало атомы окружающей атмосферы, и эта атмосфера перестраивала, переустраивала частицы в атомных решетках твоей сущности, вошедшей с ней в резонанс.

– Высота маяка что-то около тридцати метров. Не боитесь? Поднимемся наверх?

– Очень боюсь! Но я очень хочу подняться!

Ступени отвесной сквозной железной лестницы представляли собой параллельные прутья, между которыми, как и между самими ступенями, зияли проемы – лестница состояла из отверстий больше, чем из перил и перекрытий. На некоторых крохотных, едва умещались рядом оба сапога, лестничных площадках ограждения не было вовсе, и прямо под твоими подошвами открывался леденящий душу вид на десятки метров свободного полета. От страха колело в груди, немели руки, отнимались до боли ватные ноги и сводило судорогой поджатые пальцы ног, а желудок словно распирал нетающий кусок льда. И даже ошеломительная панорама наверху хотя и стоила понесенных потерь нервных клеток, не могла в полной мере компенсировать пережитый стресс: поднявшись, я стояла, вцепившись пальцами в ледяные перила смотровой площадки, пытаюсь восстановить дыхание и справиться с неприлично крупной дрожью во всех конечностях.

По одну сторону от края до края простирался непроходимый чащобный лес, по другую огромное озеро умиротворенно наглаживало волнами свой берег. Противоположный берег был где-то за линией горизонта, неразличимой в северном свинцовом монохроме неба и воды.

Южные моря совсем другие. Южное море заигрывает с тем, кто на его берегу, стремится ему нравиться, и оно нравится слишком многим. Я не люблю южные моря, я брезгую плавать в воде, в которой растворены тонны секретов желез тысяч человеческих тел, одновременно находящихся в ней. На юге слишком много тепла, слишком много света, слишком быстротечны процессы разложения и гниения всего скоро перезревшего и истекшего перебродившими липкими приторными сиропами. В жарком климате слишком велико разнообразие ядов и прочих эволюционных наработок миллионов лет межвидовой и внутривидовой борьбы.

Южная вода – густая взвесь муты с потревоженного дна.

На севере жизнь снаружи намазана тонким слоем, вся энергия внутри, в холоде без света хранится хорошо, сохраняет свежесть долго. Северной воде не нужен тот, кто на ее берегах, не нужно его обожание, она равно равнодушна и к его восторгам, и к его невесторженности. Здесь вся муть в глубинах, слежавшаяся, спрессованная, вода прозрачная до стерильности – недаром Белым было названо северное море, южное оно – Черное.

– Раньше по берегам водоемов на расстоянии одного дня пути друг от друга стояли избушки, чтобы попавший в шторм рыбак или заблудившийся охотник могли переночевать, обсохнуть и обогреться у печи, – перекрикивая незатихающий рев ветра, склонился ко мне Андрей Иванович. – Избушки не запирались, войти в них мог каждый. Неписанные правила были простые. Ничего, само собой, не ломать, оставить после себя порядок и по возможности немного каких-нибудь продуктов и дров. Вы чувствуете, какая колоссальная доза человечности была заложена в этой традиции? Люди были нужны друг другу. Человек помогал другому человеку выживать. Сегодня человек человеку не нужен.

Порывы ветра, от которых перехватывало дыхание, заглушали его голос, и я придвинулась к нему еще ближе – еще и для того, чтобы хоть немного заслонять друг друга от сбивающих с ног шквалов.

– Этот маяк давно заброшен. С современной спутниковой навигацией маяки стали бесполезны, их повсеместно демонтируют или они потихоньку разрушаются сами. Насколько я

знаю, действующих маяков в мире уже почти не осталось. Быть может, это была ваша последняя возможность своими глазами увидеть реальный маяк. Маяк это свет, который один человек зажигал для другого, чтобы помочь ему найти дорогу. И сегодня маяки не нужны. Как по мне, есть что-то неправильное в мире, в котором больше нет этой необходимости. Зажигать свет друг для друга.

– Человек человеку нужен. Человек человеку всегда нужен, – запоздало возразила я немного неуверенным от осознания голословности своего утверждения тоном: неоспоримых доказательств моих контрдоводов с ходу не вспоминалось.

– По-английски "маяк" – "лайтхаус", – проигнорировал мое слабое дежурное несогласие Андрей Иванович. – "Дом света". Поэтично, не правда ли? Я читал, что сегодня заброшенные маяки выкупают в частную собственность и оборудуют в них гостиницы или рестораны. Некоторые эксцентричные натуры устраивают на маяках, прямо в открытом море, жилье и селятся в нем. Вы смогли бы жить так?

– Только не одна.

– Всю толпу друзей на маяке не разместить, – Андрей Иванович смотрел перед собой с полуулыбкой, которая могла бы быть скептической, если бы ее обладателю обстоятельства не казались настолько незначительными, что ему было лень тратить даже толику душевных сил на такую эмоцию, как скепсис. – Нам пора возвращаться. Темнеет.

Темнеет, а маяков больше нет.

Свет сегодня стал бездомным.

Андрей Иванович подошел к люку в полу и первым начал осторожно спускаться вниз. Судорожно хватаясь негнущимися от холода и страха пальцами за железные перила, стараясь не смотреть вниз и рисуя в воображении самые помрачающие разум картины, я последовала за ним. Назад к дому я шла, не замечая скользких камней под ногами. От пережитого потрясения я чувствовала себя обессиленной, но не опустошенной, аккурат наоборот – переполненной.

– Андрей Иванович, но это же тоже как-то совсем грустно – человек человеку нужен, только если он зачем-то нужен?

– А зачем еще он нужен?

– Но ведь это обидно, когда никто никому не нужен просто так.

– Я помню, в детстве в бабушкиной деревне летом на скамейке у соседнего дома днями напролет сидела неподвижная, как деревянная скульптура, одинокая старушка. Все вокруг заняты нескончаемой деревенской работой, а она, немощная, усохшая, сморщенная, как мумия, сгорбленная почти под прямым углом, выходила со двора посмотреть на пустую улицу, на сады, на редких детей. К работе в деревне были привлечены все от мала до велика, и празднующихся малолетних лоботрясов увидеть тоже можно было нечасто. На каждой деревенской улице был свой такой бессменный дозорный. Застывший, как паук, в ожидании колебаний, произведенных живым объектом. Любой попавший в их поле зрения прохожий воспринимался едва ли не как событие века. К каждому встречному приставали они с жадным вымогательством новостей: "Что где слышать?" – "Ааа, ничего нигде не слышать!". Но даже если удавалось просто с кем-то поздороваться это уже было *происшествие*, фактура, как называете это вы, журналисты. Уже было о чем перед сном старику-мужу рассказать. До сих пор помню, как бабушка приставала вечерами к глуховатому деду с такими вот "сенсациями". "Сегодня я видела этого, ну знаешь же его, как его там звать, яблягомасть!" "И что?" "Что-что, ничего! Хотела сказать просто, что видела его, яблягомасть!", – нецензурные выражения в речи Андрея Ивановича звучали очень неожиданно, но надо признать, органично и не царапали слух.

Может, потому что это были цитаты, а может потому, что он говорил и делал то, что считал нужным, без извечной инфантильной готовности заблаговременно модифицировать на всякий случай свое поведение таким образом, чтобы не вызвать, упаси бог, ненароком

неудовольствия какой-нибудь непредвиденной, некстати подвернувшейся мимоходом ханжи, – дурацкого рефлекса, присущего, чего греха таить, мне самой.

– Вечерами, управившись по хозяйству, "на село" подтягивались соседи. Иногда приличные такие компании собирались. И тогда уж прохожие не пренебрегали внушительной аудиторией, как единичным слушателем, на которого жаль время и красноречие растрачивать, оставались и рассказывали слухи и сплетни. Порой все засиживались до поздней ночи, не расходились.

В этот момент я, в очередной раз поскользнувшись на камнях и совсем не грациозно взмахнув руками, подвернула ногу и упала бы, если бы Андрей Иванович не подхватил меня под локоть, и неизбежно почувствовала бы себя глупо, если бы он не сделал это так, как сделал: между прочим, не придав этому значения, не прерывая своего повествования. Ему не было смешно – я не чувствовала себя смешной. Впрочем, ты никогда не бываешь смешон, если сам не чувствуешь себя смешным.

– Когда мне было лет семь, в нашем городке произошла кошмарная трагедия. Соседская пятилетняя девочка баловалась с огнем, и когда в дом на минутку заглянула мать, малышка, боясь, что ее отругают, спрятала руку с зажженной спичкой за спину. Платье начало тлеть, но мать уже снова вышла во двор. Пытаясь погасить вспыхнувшую на нем одежду, ребенок стал бегать по дому. По всему ковру остались черные обугленные проплешины от упавших капель расплавившейся синтетической ткани. Размером с бусину, я бы и не заметил их, если бы один из присутствовавших на похоронах мужиков не показал мне молча, одними глазами, на пол. Я долго не мог понять, на что он пытается мне показать, и лучше бы я этого не понял. Малышка получила ожоги семидесяти процентов кожи. Она пролежала в коме два дня. Жизнь в нашем поселке замерла в запредельном напряжении. Все разговоры были только об этом, первый вопрос, который все задавали друг другу при встрече, нет ли обнадеживающих известий из ожогового центра. Я до сих пор фотографически-контрастно помню тот маленький, с кружевными оборками, красивый кукольный гробик на двух табуретках. И те незаметные, но такие нечеловечески страшные антрацитовые пятнышки на ковре. В те времена какие-либо события случались раз в месяц. Беды раз в год. Сегодня каждую неделю от стихийного бедствия или техногенной катастрофы может погибать по целому мегаполису, ты не почувствуешь ничего, даже не обратишь внимания. Зевая, продолжишь листать новостную ленту дальше.

Уставшая, я едва поспевала за ним и ходом его рассуждения.

– Во времена моего детства на похоронах всегда играл живой духовой ансамбль. Музыканты сопровождали пешую похоронную процессию от дома до кладбища за поселком. Вернувшись домой в тот день после церемонии прощания, я еще долго слышал удаляющиеся надрывные аккорды траурной музыки. От этих душераздирающих звуков создавалось ощущение, что это стонет от невыносимой боли утраты сама природа, само небо. Скорбь разливалась в воздухе, плотная и вещественная, как дым. Чужое горе застревало внутри осколком – не на пять минут, не на день – навсегда. Я читал, что сегодня все большую популярность приобретает так называемая услуга "быстрой кремации". Сотрудники специальной службы увозят тело из морга напрямик в крематорий без участия родственников. Без всех этих проводов и поминок. Близких умершего просто уведомляют, когда была констатирована смерть, как был произведен акт кремации и где захоронена урна с прахом. Всего делов. Не требуй внимания. Не отвлекай. Не до тебя. Ни при жизни, ни уж тем более, после смерти. Ты ж уже мертвый, тебе все равно, а у живых дел невпроворот.

Рассказ Андрея Ивановича произвел на меня сильнейшее тягостное впечатление – заметив это, он улыбнулся, чтобы разрядить произвольно созданное им мрачное настроение.

– Раньше люди проводили в обществе друг друга в разы меньше времени и общались строго по делу. Человеческое общение уже давным-давно не роскошь, оно обесценено цели-

ком и полностью. Сегодня человек испытывает колоссальнейшую передозировку информации, людей и слов.

– Дело даже не столько в том, что тебе не хватает людей и общения, Андрей Иванович. Обидно то, что ты сам никому не нужен. Все-таки мы привыкли, что мы должны быть нужны. Востребованы. Это говорит о твоей незаменимости, которая как бы оправдывает твое присутствие... наличие тебя в мире.

– То есть люди нужны вам для того, чтобы быть нужной им? А оценка экспертной инстанции, которую вы так жаждете, вам нужна, чтобы повысить вашу стоимость в глазах окружающих?

– Чтобы эта инстанция... сертифицировала... лицензировала твою деятельность, – повторила я ранее уже высказанную мною мысль.

– Выдала справку, что предъявитель оной не "никому не нужен", а непризнанный гений? И посрамила тем самым хулителей и злопыхателей, утверждающих обратное?

Я снова рассмеялась.

– Андрей Иванович, но если ты не нужен, то зачем тогда ты нужен?

– А если посмотреть на это не с позиций "я нужен", а с позиций "мне нужно"? Твоя жизнь имеет смысл не потому, что ты кому-то нужен, а потому что это нужно тебе. Твоя жизнь нужна тебе. Но вы знаете, я вам немного не верю. Вы молодая красивая девушка, вы известный талантливый журналист, вы соответствуете всем современным критериям и обладаете привлекательным для современного общества человеческим капиталом.

– Не совсем так, Андрей Иванович, – поспешила я возразить, чтобы не упустить промелькнувшую в уме мысль, и эта спешка отвлекла меня от его исправно смущающих меня комплиментов. – Понимаете, это все: вечная нехватка времени, когда ты как бы нарасхват... пафосный редакционный офис... разрывающийся телефон и сотни сообщений в твоём почтовом ящике, твоя фамилия под текстом в престижном журнале, бесконечные как бы важные командировки... обсуждения последних политических событий с коллегами, когда ты так лихо куришь сигарету, у тебя такая дерзкая стрижка, и ты выглядишь эдаким посвященным во все закулисные тайны пронырливым супер-шпионом, обладающим недоступными простым смертным конфиденциальной информацией и секретными материалами... Я не уверена, что не заставляю себя любить этот образ, не уверена, что это не самовнушение. Я запрещаю себе считать все это тем, чем считаю и чем оно является на самом деле – смешным детским позерством и игрой в большую звезду и кочку на ровном месте. Я вынуждена соглашаться с правилами этой игры, потому что не вижу альтернативы. Вы слышали о таком эксперименте: двум группам испытуемых поручали какую-то скучную монотонную работу, и в одной группе участникам эксперимента платили за нее, а вторая команда трудилась бесплатно. Так вот те подопытные, которые получили за свою работу деньги, на вопрос, понравилось ли им их занятие, признавались, что работа показалась им смертной тяготой. В то время как члены второй группы в один голос твердили, что им понравилось делать то, что они делали. Это иллюстрирует механизм адаптации психики в условиях когнитивного диссонанса. Ты либо смиряешься с не удовлетворяющим тебя положением и терпишь, потому что видишь в этом какую-то выгоду для себя. Либо тебе не остается ничего другого, кроме как попытаться убедить самого себя, что тебе нравится синица на безрыбье в твоих руках. В своем положении я не нахожу для себя никаких выгод. Журналистика это не то, что я люблю, это то, что я относительно неплохо умею. Но как говорил Курт Кобейн, пусть лучше тебя ненавидят за то, кто ты есть, чем любят за то, кем ты не являешься. А я никак не могу отважиться на нелюбовь окружающих. Иногда так хочется сбежать от всего этого. Подальше. В деревню. На старый шлюз. Простите, я наговорила банальностей!

– От себя не убежишь. Видите, я тоже говорю банальности.

– Я как раз со всех ног бегу к себе.

– Вы сбежите отсюда через неделю.

Внутри у меня снова все схлопнулось от этих его слов. Это была вторая реплика, намекнувшая мне, что происходит что-то, чего я пока не вижу – и к чему я еще определенно не готова. Он сказал "вы сбежите", а не "вы сбежали бы", и разница между этими двумя фразами была принципиальна. Если во втором варианте речь шла бы о предполагаемом развитии умозрительной ситуации, то его вариант был прогнозом финала ситуации, которая уже *есть*.

– Почему вы так считаете? – спросила я первое, что пришло на ум.

– Вы же сами только что сказали, что не видите альтернативы.

О чем мы вообще говорим?

– Судопропускником на шлюз? – пошутила я, в растерянности продолжая говорить то, что меньше всего стоило бы говорить, и только в тот момент меня осенило, в чем заключалась истинная суть нашего разговора.

В то время когда я по старой привычке просто рассуждала вслух, чтобы, проговаривая какие-то моменты, получше уяснить их для себя, а если называть вещи совсем уж своими именами – просто плакалась и ныла, Андрей Иванович реагировал на происходящее чисто по-мужски. В отличие от женщин, которым более чем достаточно формального поддакивания "жилетки", мужчины, слыша чужие, особенно женские, стенания, начинают искать варианты решения проблемы, расценивая жалобу как просьбу или даже как требование помощи. По всему выходило, что мои абстрактные разглагольствования о судьбах мира и моем собственном месте в нем он воспринял буквально: я хочу, чтобы меня забрали оттуда, где мне плохо.

Чтобы он меня забрал.

От этого открытия больно застучал пульс в висках. Своими разговорами я еще пыталась как бы подмигнуть, послать ему зашифрованное приветствие-пароль, что я не "из них", я другая, я "своя", мне можно доверять. Он же расценил все это как то, что я... навязываюсь ему?

А я не имела возможности оправдаться, потому что никаких обвинений не прозвучало, все они были неочевидно очевидны, и я бы почувствовала себя довольно жалкой, если бы не один нюанс.

Андрей Иванович был явно не против, даже заметно хотел... не оттолкнуть меня.

– Эйнштейн говорил, что для мыслящего человека не существует работы лучше, чем работа смотрителем маяка. Но, возвращаясь к вашему вопросу, буду вынужден разочаровать вас – я не знаю, как надо жить. Но здесь я по крайней мере кое-что все-таки понял.

– Что? – в голову не проникало ни единого его слова, в сознании шурсткой стайкой сухих опавших листьев, поднятых в воздух порывом ветра, кружили разметавшиеся мысли.

– Что мне не интересно знать это.

Начало быстро темнеть, стал накрапывать дождь. Дойдя до баркаса, Андрей Иванович подобрал, как и намеревался, снятый им с креста венок и, просунув в него руку, надел на плечо. Подойдя к кромке воды, он на минуту остановился:

– Я помню, как в детстве к бабушке приплывали на челноках старухи с дальних островов. Они плавали стоя, мастерски управляясь одним веслом. В одиночку, через все озеро, иногда в шторм. Они наотрез отказывались переночевать на большой земле и вообще не любили задерживаться. Уладив все свои дела, купив продукты в автолавке, они сразу же отправлялись назад. В одиночку. В челноке. Через озеро. В шторм. Домой.

Волны со щенковской игривостью набегали на носки наших резиновых сапог. Дождь все усиливался и с капюшона уже вовсю бежали-семили ручейки, а мои натруженные ноги и спина изнывали от усталости, но я стояла и смотрела на рябь на воде, поглощая каждое мгновение этого фантастического красивого вечера, понимая, что все мои страдания стоят каждого из них, и что потом я буду благодарна себе за то, что потерпела сейчас и впитала их все.

– Некоторым из них было по девяносто лет! Неулыбчивые неразговорчивые нестигаемые северные старухи, почерневшие от черной работы, как срубы их изб от вечной сырости. Они

носили массивные лапти и, чтобы не мерзнуть – а плыть по холодному озеру им приходилось по несколько часов – они обматывали ноги несколькими слоями онуч. И знаете, что удивляло меня больше всего? От них не исходило неприятного запаха. Они хорошо пахли. Лесом. Озерной водой. Туманом. Травами. Дымом. Они частенько заглядывали к нам, брали у нашего деда мед – дед был знатным пасечником. Бабушка заставляла меня заваривать чай и проявлять гостеприимство, хотя меня эти старухи в их зловещих хламидах не на шутку пугали. Бывало, какая-нибудь из них брала мои волосы и начинала перебирать в своих скрюченных растрескавшихся шершавых пальцах, бормоча какие-то заклинания, – Андрей Иванович повернулся ко мне и, нырнув рукой вглубь моего капюшона – его прохладные гладкие пальцы чуть скользнули по моей шее – извлек наружу прядь моих волос.

Накрутив прядь на палец, словно иллюстрируя, как это было с ним много лет назад, он отпустил ее. Развиваясь, прядь упала мне на ключицу.

Время замедлилось, а восприятие обострилось до болезненной интенсивности. Этим своим проникновением без предупреждения в мое личное пространство он будто расколол ледяной кокон, снял все мои защиты, точнее, я не успела выставить их и оказалась без экзоскелета, бескостная и бесформенная. Ноги подкосились, очень захотелось присесть, а лучше прилечь.

– Бабушка всякий раз срочно тащила меня в баню, где устраивала форменный шаманский ритуал от греха. Молилась, крестилась, омывала мое лицо и руки, утирала подолом своей юбки... – не замечая моего смятения, продолжал Андрей Иванович, глядя на волны и ностальгически улыбаясь воспоминаниям. – Сейчас я знаю, что у тех старух и в помине не было злых намерений. Мы просто не понимали сути их суеверий. Например, заходя в дом, они плотно закрывали за собой двери и нашептывали заговоры, чтобы вслед за ними в жилище не проникло что-нибудь враждебное. Они часто оставляли бабушке подарки в знак благодарности. То плетеную корзинку, то резную шкатулку, то какие-то мудреные амулеты. Отношение к нечистой силе в этих краях всегда было предельно уважительным. Бабушка регулярно ставила блюдечко с молоком на чердаке для домового, и представляете, деревенские коты, что шастали там, не трогали это молоко! На мои язвительные замечания, что и домовый не шибко-то налегает на угощение, бабушка отвечала: "Пьет-пьет! Просто он берет не все, а только самое главное". Но идемте, я совсем вас заболтал, и вы снова мерзнете по моей вине, да что ж такое-то, нет мне прощения! – словно очнувшись и вспомнив, что я рядом, Андрей Иванович взял мои лиловые лапки в ладони и, поднеся их губам, подышал на них, согревая своим дыханием и словно пытаясь тем самым хотя бы частично компенсировать свою временную невнимательность ко мне.

В этом его движении не было ни намека на какое-то посягательство, это было импульсивное желание сделать что-то хорошее, что ты можешь сделать – тому, кто в этом нуждается.

Нетрадиционная медицина утверждает, что люди, их "астральные" тела, состоят из стихий, воды, огня, земли и воздуха. Я всегда со скепсисом относилась ко всякого рода эзотерике, но когда мои кисти погрузились в тепло мужских ладоней, я почувствовала себя именно так: словно я вся из воздуха. Я – сгусток космического газа, могущий быть рассеянным легчайшим дуновением. Мое дыхание стало учащенным и шумным – слишком слышным и выдающим меня с головой.

Вот как оно выглядит и на что это похоже – ветер в голове.

Я вся – ветер.

Если бы он сейчас сделал... все, что, угодно, я бы...

– Идемте, – Андрей Иванович отпустил мои руки.

Я втянула кисти в длинные рукава куртки, чтобы сохранить переданное им тепло, чтобы подольше удержать в рецепторах фантомное ощущение сжатия моих ладоней мужскими пальцами.

Мы миновали шлюз и прошли через лес. Шум хлынувшего ливня сливался с шипением "кипевшей" под переливной плотиной воды. Баня располагалась внизу, подальше от водопада, там, где река разливалась и течение становилось не таким бурным и сбивающим с ног.

– Я попросил Наталью Петровну принести для вас ее фирменного "крафтового" мыла, – Андрей Иванович проводил меня до бревенчатого домика. – Она сама варит его по каким-то алхимическим рецептам своей белорусской бабушки, по уверениям Натальи Петровны – знахарки. "Бабкі-шаптухі", как называют это белорусы.

– Вы знаете белорусский язык, Андрей Иванович?

– Самую малость. Мой дед по маминой линии и моя жена были из Беларуси. Вы тоже, насколько я понял, из тех краев?

– Да, – ответила я, совершенно огорошенная его сообщением о наличии, точнее, об отсутствии некогда имевшейся жены.

– Ее больше нет. Она долго тяжело болела, – вызвав во мне невыразимую признательность за то, что он объяснился сразу, сам, не став создавать ситуации, в которой я была бы вынуждена либо задать непростой и в любой своей формулировке так или иначе бестактный вопрос, либо не задать его, что тоже было бы не меньшей бестактностью, и что оставило бы меня вдобавок ко всему в мучительном неведении, сообщил Андрей Иванович тоном, дающим понять, что на этом тема считается закрытой.

Он с силой дернул просевшую дверь бани и на улицу, как из космического корабля в голливудских фильмах об инопланетных пришельцах, хлынул поток света и вихрящегося в нем густого пара. В предбаннике деловито хозяйничала тетя Наташа: стоя, разутая, на лавке, она с грохотом передвигала и наощупь перекладывала разный скарб на самой верхней полке.

– Вот же ж ты черта кусок! – ругалась Тетьнаташа в темное пространство перед собой: что-то там то ли никак не доставалось, то ли не засовывалось нужным ей образом.

Я представляла себе Наталью Петровну высокой и корпулентной, похожей на советских актрис Нонну Мордюкову и Фаину Раневскую. Она же оказалась чуть выше среднего роста и сухощавой, а даже... сухонькой и миниатюрной. Ее густые седые, "соль с торфом", жесткие волосы были пострижены совсем коротко, по-мужски, и эта ее брутальная стрижка, черные угольки ее цепких ведьминских глаз, негибкость тела, грубоватость и хлесткость формулировок разительно диссонировали с исходившим от нее физически ощутимыми... волнами мягкосердечности. Тетьнаташа была из тех, кто не домогается чужой любви, но влюбляет в себя с первых минут знакомства, аккуратно именно этим своим незаискиванием и подкупая. Не позиционируя себя как альтруиста-подвижника, готового рвать на груди рубаху и снимать ее, последнюю, с себя во имя гуманистических идеалов человечества, как раз наоборот, ничуть не боясь показаться деспотично-требовательной, нетерпимой к любой бесхребетности и соплежуиству, на самом деле Наталья Петровна была поразительно нежадной на неподдельную и, что еще важнее, небездеятельную (в этом месте мне придется употребить еще один архаизм) *доброту*, – ту самую ныне утраченную сострадательную "матриаршую" снисходительность к извинительной человеческой слабости, проистекающей из уязвимости и ранимости живого создания.

Андрей Иванович представил нас друг другу и, заметно чувствуя себя не к месту, с видимым облегчением перепоручив меня заботам своей соседки, оставил нас.

Тетьнаташа принесла мне отвар трав для полоскания волос и то самое обещанное черное мыло, расхваленное Андреем Ивановичем. Мне было жутковато оставаться в бане одной и я попросила Тетьнаташу не уходить, а подождать меня в предбаннике. Она охотно согласилась, радуясь представившейся возможности поболтать.

– Я тут скоро с радиом начну разговаривать! Из Андрея Ивановича слова клещами не вытянешь! Мыло мое из дегтя, березовой чаги, воска и перги. Ну и масло там репейное, – доносился из-за двери ее громкий, зычный голос, кардинально отличавшийся от гипертрофированно предупредительных, вежливых, тоненьких и малокровных, рождаемых будто на

последнем издыхании голосочков моих многочисленных городских знакомых, – да и, если быть совсем уж честной, моего такого же собственного. – Бабка моя, слышишь меня там?

– Да-да-да, я слышу!

– Бабка моя немного "знала". Собирала травы, "шептала". Небольшенькая такая, вертлявая была, юркая, как ртуть, с жиденькой, но длинной седой косой до пояса. Мало что помнила она, конечно, но кое-что умела. Перед тем, как пойти в баню, она всегда за полчаса клала веники на полки, лила воду на камни и уходила. Первый пар для банника, сначала он парится, только потом люди. Бабуля любила повторять, что в каждое новое тело рвется множество душ – тело достается лучшим. Поэтому обязательно надо найти, понять – почему ты? Почему выбрали тебя? Если ты не выполняешь того, что должен, ты напрасно занимаешь свою оболочку. И тогда в нее может подселиться другая душа. У запойных пьяниц, которые часто отсутствуют в своем теле, внутри запросто может обретаться сразу несколько посторонних потусторонних сущностей. Поэтому любая пустая емкость в старину считалась скверной приметой. Мама моя всегда переворачивала вверх тормашками все перекрытые кастрюли и накрывала их ручником, чтобы в них чертей не набилось. И поэтому встретить бабу с пустым ведром не к добру, и поэтому нельзя дарить пустые кошельки. Пустой дом это тоже очень, очень плохо. Дом не должен пустовать. А у нас вон что творится! Черт-те что!

– Тетьнаташ, а домовые бывают?

– А то! – проворчала Наталья Петровна, негодуя по поводу моей настолько бесстыдно откровенной демонстрации своего непроходимого невежества. – Я когда сюда приехала, поставила на чердаке плошку с молоком для домового. Ночью встала в туалет и черт меня дернул проверить, на месте ли она. Поднялась на чердак в темноте – божечки мои! Пустая плошка! Хотя я наливала ее полнехонькую до краев! Хорошо еще, что эта блестящая идея пришла мне в голову после того, как я сходила в туалет, а не до этого!

– Может, это были коты? – продолжала упорствовать в своем агностицизме я, глотая смех.

– Где ты тут видела хоть одного заваливающего кота? – возмутилась Наталья Петровна, но, хотя и ошутимо скрепя сердце, все же добавила:

– Андрей Иванович говорит, что это могли быть летучие мыши... Много их тут у нас.

Я с неземным наслаждением отогревалась в сочном, "сдобном" банном тепле, наполнялась, заполнялась живительной влагой с запахами целебных трав, ощущая, как тает, разжижается и покидает тело вместе с дрожью угнездившийся в самой сердцевине костного мозга холод. Щедро намазывая пахучей пеной мокрую кожу, блестящую в тусклом призрачном свете, растворенном в густых клубках матового пара, я чувствовала себя то ли русалкой, то ли молодой ведьмой, то ли невестой, которую готовят к древнему, полному изначальных извечных смыслов обряду – *обрящению* – приобретению чего-то жизненно необходимого. Ищите и обрящите.

И вот о чем я думаю? И не было ли действительно в моем упорном стремлении попасть сюда тех потаенных мотивов, в наличии которых заподозрил меня мой проницательный прозорливый смотритель шлюза?

Когда я вернулась в дом после банных процедур в выданном мне Тетьнаташей чудесном плюшевом банном халате, в камине вовсю полыхало пламя, а на столе стоял приготовленный для меня ужин: испеченные Тетьнаташей "рыбники" (пироги с жирной сочной семгой) и "калитки", открытые ржаные лепешки с начинкой из изумительно рассыпчатого, не жидкого и без комочков, пышного – эталонного – картофельного пюре.

– С легким паром! – прокричал Андрей Иванович из своей комнаты наверху. – Ужин на столе.

– Я вижу, спасибо огромное!

– Как все прошло?

– Я как заново родилась, Андрей Иванович!

– Так и задумывалось!

Он вышел из спальни и спустился по лестнице со стопкой чистого белья и полотенец в руках.

– Ваша комната наверху. Дверь открыта, не перепутаете, – положив стопку на спинку дивана, он подошел к буфету на кухне.

– Вы сами ловите рыбу, Андрей Иванович? – спросила я, уже без прежней – освоившись – робости устраиваясь за столом.

– Нет, я не рыбак и не охотник. Я даже, к стыду своему, не грибник.

– И вы снова не составите мне компанию?

– Я в баню. Поужинаю потом. Но вы не ждите меня.

– Вы так хотите сохранить за собой возможность стать мне врагом?

Он недоуменно нахмурился и вопросительно наклонил голову.

– Отказываясь от совместной трапезы, – напомнила я ему наш утренний разговор.

Он поставил на стол бутылку с чуть мутноватой маслянистой жидкостью.

– Анисовая настойка. Мне показалось, она вам понравилась, – он оперся обеими руками на столешницу.

Он стоял напротив меня и смотрел на меня сверху вниз глаза в глаза, впервые, как я осознала в ту минуту, за весь этот невероятно долгий насыщенный день: как нам удавалось столько времени ни разу не встретиться взглядами?

Мне понадобилась вся моя воля, вся моя сила, чтобы не отвести глаз. Наш зрительный поединок длился несколько секунд.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Не отрываясь, я стоически выдерживала его взгляд, чувствуя, как искрят дрожащие от напряжения силовые линии моего биополя и электризуется вся поверхность тела, отчего начало саднить кожу лица и корни волос.

– Я вам не враг, – наконец, прервал он молчание, улыбнувшись.

Забрав со спинки дивана свою стопку, он направился к выходу, снял с вешалки куртку и, снова бросив на меня взгляд и улыбнувшись, толкнул дверь бедром и вышел на улицу.

Где-то пониже основания шеи, над и между лопатками, зародилась и заструилась – вверх, под волосы, и вниз по позвоночнику – волна дрожи, словно бы отсюда, из самого позвоночного столба, вынули пробку, как валун из русла реки, открыв энергетическому потоку просвет, дав ему свободно течь, набирая мощь, циркулировать, прочищать внутренние протоки.

Он лечил меня. Не знаю как, но рядом с ним я ощущала, как расслабляются забытые спазмированные мышцы, снимаются блоки и зажимы в волокнах нервов, уходят фобии и паранойя. Я оттаиваю. Мне становится тепло. Я становлюсь теплой. Порывистый колючий рваный ветер, с ним я становлюсь тихой спокойной ключевой водой.

Всего-то и надо. Несколько слов.

Я тебе не враг.

Я тебе не враг.

Но сколько людей ни разу не услышат их в своей жизни. И никогда в жизни не придут к этому недоступному им пониманию.

Что врагами, безвылазно засевшими в промерзших окопах, друг другу можно не быть.

Я помыла за собой посуду и, накинув на плечи куртку, вышла с тазом во двор: я знала, что хотя водопровод и канализация в доме имелись, по мере возможности хозяин дома воду старался выливать на улице. Я спустилась пониже к бане, чтобы выплеснуть мыльные помои не у самого крыльца. В эту минуту Андрей Иванович внезапно появился, полностью обнаженный, из предбанника. Будучи спиной ко мне, меня он не заметил и босиком прошел к реке по освещенному фонарем деревянному причалу, приблизившись к краю которого со смачным всплеском окунулся в ледяной поток.

Пока я лихорадочно прикидывала, как мне быть: бежать в дом, рискуя движением как раз и привлечь к себе внимание, чтобы он не узнал, что я видела его сейчас, или переждать в тени, надеясь остаться незамеченной, пока он вернется назад в баню, – Андрей Иванович вынырнул из воды. Ухватившись за край деревянного настила, он легко подтянулся на руках и выбрался на мостки. Какое-то время он по-прежнему не замечал меня, но увидев, суматошливо прикрываться не стал. Каким-то чудом – видимо, оцепенев – смогла не засуетиться и я. Продолжая стоять, я смотрела на него, пока он не прошел по причалу обратно в баню и не скрылся за дверью.

Я вернулась в дом, думая о том, что мне не нравится, мне очень не нравится то, что мне очень понравилось только что произошедшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.